

МАРИНА НАУЙОКС
СТО СТИХОВ О ЛЮБВИ

100 СТИХОВ О ЛЮБВИ

Марина Науйокс

ПЕРЕВОДЫ
ИЗ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

Марина Науйо́кс
100 стихов о любви
Переводы из немецкой поэзии

© Марина Науйо́кс
Редактор – Александр Лайко
Верстка и компьютерный дизайн –
Иосиф Малкиель

Берлин, 2024

100
СТИХОВ
О ЛЮБВИ

Марина Науйокс

ПЕРЕВОДЫ ИЗ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

СТО СТИХОВ О ЛЮБВИ

Переводы из немецкой поэзии

Вместо предисловия 6

ТИНЕЙДЖЕРЫ ОТ ПОЭЗИИ

Миннезингеры, «открытие Америки» 8

Первые слова о любви

Сохранившиеся имена 10

ЕСЛИ ЭТО НЕ СЕРЕБРО, ТО ЧТО ЭТО?

В поисках серебряного века 28

Немецкий декаданс

«Мой голубой рояль» 31

Импрессионизм

«Сумерки человечества»

Экспрессионизм 53

ЛИРИКА ДЛЯ ВСЕОБЩЕГО УПОТРЕБЛЕНИЯ

«Новый деловой стиль»

Немецкий поэтический авангард 64

«Все мы немного Тухольские» 66

*«Эта Маша» – знаменитая,
но неизвестная* 105

*Рингельнатц –
«кувыркающийся морской конёк»* 131

Сказочник Эрих Кестнер 146

*Брехт – «санитар леса
и воспитатель человечества»* 156

«ИХНИЕ ЗОЩЕНКИ», или ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

Довоенные литературные кабаре

*Этот «новый,
но не всегда деловой стиль»* 169

«СТОЛИК НА ЧЕТВЕРЫХ»

Поэтические кафе 20-30 гг.

Где сочинялся весь авангард

Стихи на бумажных салфетках 188

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Книга, которую вы держите в руках, не учебник, не антология, не литературоведческий справочник. Скорее всего, по жанру это какая-то старорежимная «книга для семейного чтения», не претендующая на полный обзор немецкой поэзии. В ней по существу есть только начало и конец длинной истории немецкого стихосложения – какой-то лохматый двенадцатый век и только что прожитый двадцатый. И, как ни странно, оказалось, что это прекрасно монтируется – поэзия миннезингеров и авангардистов 20-30-х годов 20-го века. И язык, и чувства у этих поэтов очень простые, человеческие, ясные, точно дождиком промытые.

Я не могла себя заставить в сотый раз переводить баллады Шиллера и песню эльфов Гёте, лирику Гейне и баллады Фонтане. Так отпали для меня романтизм и реализм в немецкой поэзии 18 и 19 века. Хотя и был соблазн «переговорить» многие прекрасные стихи той эпохи живой разговорной речью (как они и задумывались авторами), стряхнуть с них образовавшийся налет архаичности.

По той же причине не сложились отношения и с гуманизмом, и с религиозной мистикой 16 века, и с барочной поэзией 18-го. Таким образом, исторических пробелов в книжке оказалось больше, чем охваченного времени. Впрочем, никто и не собирался создавать капитальный труд о многовековой немецкой поэзии.

Я всегда была свободным переводчиком, не филологом и не литературоведом, никакие редакторы и издательские

планы не довели надо мной. И я могла себе позволить переводить и публиковать только те направления в немецкой поэзии, которые были мне близки, и тех авторов, которых я любила.

Не случайно книжка называется «Сто стихов о любви». И имеются тут в виду не столько чувства авторов к кому-либо, сколько мои – к авторам. Это сто стихов о моей любви к этим поэтам и к их творчеству. И главные мои любимцы, как это, надеюсь, будет явствовать из этой книжки, – поэты-авангардисты Курт Тухольский и Маша Калеко.

ТИНЕЙДЖЕРЫ ОТ ПОЭЗИИ

*Миннезингеры. «Открытие Америки».
Первые слова о любви*

Почему средневековая лирика так трогает нас, не раздражая своей наивностью, прямолинейностью, немелой рифмовкой и другими огрехами, недопустимыми в современных стихах? Конечно же потому, что даёт ощущение присутствия при рождении европейской поэзии. Потому что средневековые лирики – это тинейджеры от поэзии, едва научившиеся произносить свои первые слова о любви.

Христианская Европа только что очнулась от непрерывных войн, голода и эпидемий. Кончился сон разума на обломках Римской империи, и люди с изумлением разглядывали окружающий мир и друг друга.

Первые колдуньи шептали свои – ещё очень языческие – заговоры и заклинания. Первые певцы пели о героях и слагали саги. Первые монахи, потрясённые гармонией мироздания, сочиняли, а потом и записывали новые молитвы. Первые поэты-рыцари в недавно построенных, грубо отёсанных и насквозь промерзающих замках вдруг заметили – реальную или мнимую – красоту и добродетель живущих рядом женщин. Первые «разночинцы» того времени – школяры, священники, обедневшие дворяне – бродили по дорогам Европы и пели по площа-

дям и тавернам свои не очень складные, но весёлые или душещипательные куплеты.

Всё было впервые. Темы стихов становились всё разнообразнее, – рос интерес к обычному человеку, к его личности. Отрабатывались формы стихосложения. Укоротилась строка, появился рефрен, – так было удобнее петь. Аллитерация постепенно заменялась рифмой, которую сначала помещали в середину строки, переняв это от провансальских трубадуров, а затем и в конец строки, как это принято сейчас, – так лучше запоминался текст.

Всё случилось в первый раз. В этом огромная притягательность средневековой поэзии. Средневековье стало эпохой великих поэтических открытий, эпохой множества Колумбов от литературы с их большими и маленькими Америками.

Сохранившиеся имена

Вессобруннские стихи и молитва *

(начало 9 века)

О СОТВОРЕНИИ МИРА

Много я передумал и людей расспрашивал об этом чуде:
ведь когда-то не было ни Земли нашей, ни неба,
ни единого деревца, ни пригорка,
и солнце не вставало, и луна не светила,
и моря не было, воспетого потом в сагах,
не пролегло ещё ни границ никаких, ни сторон света.
Но одно всё же было – всемогущий Господь,
щедрый, милостивый, и от него пришла вся мудрость
творения. Это и был Создатель мира.

Всемогущий Боже, сотворивший небо и Землю,
даровавший людям все блага мира,
дай мне крепкой веры в милость твою,
добрых намерений, здравомыслия и достаточно сил
противиться дьявольскому наваждению,
не творить зла и пребывать в твоей воле.

** Старейший немецкий художественный текст неизвестного поэта (первые 9 строк) и присоединённая к нему молитва (6 последних строк). Найдены в монастыре Вессобрунн недалеко от Мюнхена. Датированы не позднее 814 г.*

Заговоры

(10 век)

ПЧЕЛИНЫЙ

Ах ты, Господи, рой улетел!
Летите, пчёлки, назад, не встретив преград,
за лесами не летайте, за горами не пропадайте,
собирайте скромно нектар не скоромный,
не забывайте Бога и к ульям дорогу.
Перекрещу вас справа, перекрещу вас слева –
благослови вас Господь и Святая дева.
Сидите в улье тихо, не делайте лиха!

ОТ МОРОКА

Ах ты, морок проклятый, злое чудище,
не являйся во сне, не пугай меня!
Через все ручьи тебе – топким бродом брести,
а в лесу густом – всю листву общипать,
а в лугах тебе – все цветы оборвать,
и все норки звериные – тебе вылизать,
и все лужи по дорогам – тебе вылакать,
все соломинки в поле – сосчитать тебе.
Не являйся мне ночью, не мучь меня!

Безымянный рыцарь из Кюренберга *

(ок. 1150 – 1170)

СОКОЛ

Растил я сокола, считай, что целый год.
Он был уже почти ручным, но вот,
порвав шнурки из шёлка и постромки,
он вырвался на волю с криком громким.

Прекрасен был полёт свободной птицы:
шнурка обрывок в небе золотится,
а на земле – погнутой клетки хлам.
О Господи, позволь летать и нам!

О СУПРУЖЕСКОЙ ИЗМЕНЕ

Что делать, если сердце и ноет, и болит,
и как присвоить что-то, что совесть не велит?
Что никогда не сможет по праву стать твоим,
что многим позволяется, но лишь не нам двоим.

** Первый известный немецкий лирический поэт.*

**Хильдегард фон
Бинген ***
(1098 – 1179)

О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШЕ

Душа – как ветер,
глядящий траву,
как роса,
освежающая луга,
как дождь,
под которым всё растёт и зеленеет.

Вот так и человек может –
изливать доброту на своих ближних,
доброту, по которой они истосковались.

Он может быть ветром,
приносящим подаяние.
Он может стать росой
вместо слёз всех покинутых.
Он может пролиться дождём,
оживляющим всех измученных.
И давать им любовь,
как хлеб насущный.

О ЛИСТВЕ

О, благородная листва,
ты разрасташься на солнце
и сверкаешь своим великолепием,

пока проворачивается колесо земной жизни,
такой же прекрасной и непознаваемой,
как и таинство другой жизни – вечной.
Ранним утром листья деревьев розовеют,
а осенью, на солнце, пылают, как факелы.
Такое чудо – листву –
могла создать только любовь.

О ЛЮБВИ

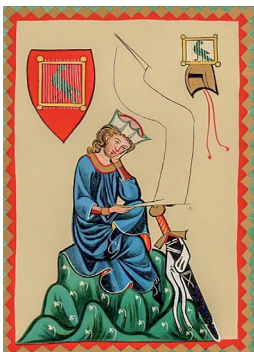
Вселенная пронизана любовью –
от морских глубин до высоких звёзд.
Она доступна любому и даёт всем –
от простого кнехта до великого короля –
поцелуй покоя и примирения.

Бывают странные сближенья.

Эти стихи я перевела и опубликовала в Москве и в Берлине в 2013 г. Несколько позже я попала в Берлине в католическую больницу с нехорошим диагнозом. Моё хирургическое отделение носило имя монахини фон Бинген. А в палате на стене – аккуратно у меня над головой – висела старая гравюра «Монахиня фон Бинген собирает лекарственные травы в монастырском огороде». Все три операции и облучение прошли – на удивление врачей – необыкновенно легко и удачно, практически бесследно.

А удивляться было нечему – монахиня поблагодарила меня за первый перевод её стихов на какой-то, пусть и неслыханный, язык – не то христиан, не то язычников – где-то в глуши лесов на далеком севере.

** Первая женщина – автор лирических стихов на немецком языке. Она же – монахиня и первая женщина-врач.*

**Вальтер
фон дер Фогельвайде ***
(1170 – 1230)

ВЛЮБЛЕННЫЙ МИННЕЗИНГЕР

Что есть любовь, скажите ясно,
я знаю что-то, но не всё:
бывает ли любовь напрасной?
Или разящей, как копьё?
Тогда ей имя приготовь, –
не может мука быть прекрасной,
такое чувство – не любовь.

Насколько смыслю в этом деле,
любовь есть ноша двух сердец.
И станет, если ношу делят,
любовь любовью, наконец.
О госпожа, я бы просил
часть груза взять по крайней мере,
мне одному – не хватит сил.
Да, госпожа, я Вашу долю
тащу, и время мне помочь.
Не любите – я не неволю,
тогда меня гоните прочь.
Но кто Вам сложит мадригал,
когда б вдали от Вас, на воле,

я прославлять Вас перестал?
Вы в горечь превратили сладость.
Другой поэт, я побожусь,
не даст Вам эту злую радость,
когда вдали я окажусь.
Ослеп я от любви вконец,
но кто не знает, что за гадость –
влюбленный немощный слепец!

ПЕСНЯ БРОДЯЧЕГО ПОЭТА

Натёр себе ноги,
присел у дороги,
понур и невесел,
я голову свесил.
Прилег, подложив под затылок кулак,
смеются прохожие – что за чудак!

Кто может, ответьте,
как жить мне на свете?
Чтоб мысли всё те же
терзали пореже?
Зачем не придумано мудрых наук,
чтоб можно сложить было в общий сундук

и спрятать всё вместе –
от рыцарской чести
до милости Бога
и денег немного?
Я нажил пока лишь заплечный мешок,
в нём хлеба краюшка да глупый стишок.
Чего не бывало –
ларей и подвалов.
Нужна мне сегодня

лишь милость Господня.
А гордость с богатством, и чванство, и спесь –
в свой спрячьте подвал, если он у вас есть!

ПОД ЛИПАМИ

Где старые липы,
там, у луга,
из сена с цветами наша постель.
Мы слушали птиц, обняв друг друга, –
чириканье, всхлипы
и брачную трель.
И вот с опушки, из-за полей –
тантарадей! –
запел соловей.

Гляжу в оконце,
совсем стемнело,
мой милый устанет под липами ждать.
Я вышла украдкой, стрелой полетела,
а то сядет солнце,
и хватится мать.
Лучший на мне, как на свадьбу, наряд, –
тантарадей! –
губы горят.

Была я всё лето,
как дама из знати
на ложе пышном из трав и цветов.
И полог из веток на брачной кровати
пах липовым цветом
у наших голов.
Пара моих расплетённых кос –
тантарадей! –
на охалке роз.

Для любящих ласки
любые святы,
кто строгого нрава – сгорит со стыда.
Я тоже для вида потупила глазки, –
ведь платье измято,
коса развита.
Будут секрет наших жарких встреч –
тантарадей! –
липы беречь.

** Вальтер фон дер Фогельвайде – величайший поэт
средневековья. Немецкий Данте. Первым начал писать
стихи от лица простой женщины.*

Вольфрам фон Эшенбах *

(ок. 1170 – 1217)

УЖ ЛУЧШЕ ЖЕНИТЬСЯ!

Не жалуйся напрасно,
что после ночи страстной
приходит горечь утра,
и ты решаешь мудро,
что время удирать.
И после ночи сладкой
с утра вошло в повадку
освобождать кровать,
чтоб мужу для порядка
в ней тоже побывать.

Да кто ж тебя осудит? –
кто горечи не любит,
кто лжет не так искусно,
кому так жить невкусно,
кто любит сладкий вкус.
Какою же ценою? –
с законной спать женою,
не бегая, как трус.
Дойдёшь до аналоя, –
живи, не дуя в ус!

**Весьма популярный поэт своего времени.
По некоторым сведениям, дружил
с Вальтером фон дер Фогельвайде.*

ЗАГАДКИ

(11 век)

1

Прилетел птенец – да без перьев,
сел на дерево – да без листьев.
Подбежало к нему дитяtko – да без ноженек,
ухватило его накрепко – да без рученок,
без огня, без котла – приготовило,
безо рта, без зубов – пообедало.

(Снег и солнце)

2

Самой длинной из ночей
вырос мост через ручей.
Двух воров там стали ждать.
Первый – виден, но не слышен,
и скользит он тише мыши.
Вор второй – шумит по крыше,
но не виден, хоть и ближе.
Что за воры, что за тать,
мост задумали сломать?

(Лёд, солнце и ветер)

Неизвестный автор

(ок. 1160 г.)

РАЗМЫШЛЕНИЯ БЛАГОРОДНОЙ ДАМЫ

Мой рыцарь верно мне служил
четыре года кряду.
Обид он много пережил
и заслужил награду.
Мы затаились до поры,
но страсть обоих мучит,
да сгинь весь мир в тартарары,
но он меня получит!

Хергер по прозвищу Воробей *

(ок. 1170 г.)

ЧУЖОЙ САД

Я проголодался,
и чёрт догадался
соседский цветущий мне сад указать.
Плоды не срывались,
а черти смеялись –
не надо в чужие сады залезать!

НАЗИДАНИЯ

Рождественское:

Родившийся в святую ночь
смог всех простить и всем помочь,
и добрым людям только он –
Христос – дал нравственный закон.
Лишь дьявол с богом не в ладу,
да чтоб сгореть ему в аду.

Пасхальные:

1

Христос людей однажды спас,
обрёк себя на муки –
покайтесь все, пока до вас
дотянет дьявол руки.
А кто грешит, тех дьявол ждёт
и прямиком их в ад ведёт.

Настала пасха, чтобы
Христос восстал из гроба.
Мудрейший он из мудрых,
царь сирых всех и скудных.
Детей своих прощает
и путь всем освещает
животворящим светом
в мирах – и том, и этом.

** Это имя указывает на крайнюю бедность
рыцаря. У нас это был бы какой-нибудь
«витязь Церковная мышь».*

Дитмар фон Айст

(– 1171 г.)

ПРИЧИТАНИЯ ЗНАТНОЙ ДАМЫ НА ПРОГУЛКЕ

Вот луг. Благородная дама на нём,
гуляя, разглядывает окоём.
Там сокол с небес вдруг бросается ниц,
путая сидящих на дереве птиц,
и снова взмывают два крепких крыла.
Задумалась дама: «А я б так смогла?
Он отроду не был в позорном плену,
сам вьёт он гнездо и находит жену.
Вот если б мне этаким соколом стать,
я мужа смогла бы сама отыскать,
его бы по сердцу нашла я себе,
чтоб с ним ворковать в нашем общем гнезде.
Ах, Дева святая, ах, Божия мать,
вот если б, как сокол, могла я летать!»

ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ

Ах, настань скорей пора, чтоб пичужки все запели,
чтобы кончилась зима, липы чтоб зазеленели,
запестрели чтоб цветы на проталинах и плешах.
И – возрадуешься ты, и весна тебя утешит.

Из песенника вагантов

«Кармина Бурана»

(ок. 1250 г.)

ПЕСНЯ ЖАРЕНОГО ЛЕБЕДЯ

Когда-то мирно жил я дома,
у небольшого водоёма,
вода, и травка, и солома – всё было мило и знакомо.

Припев: Поперченный, посоленный,
замученный в неволе я!
О-о-о, бедный!

Туда-сюда снуют здесь слуги,
все покраснелись от натуги.
Меня на блюде чьи-то руки несут гостям,
чтоб съесть от скуки.

Припев: Поперченный, посоленный,
замученный в неволе я!
О-о-о, бедный!

Я лучше плавал бы прилежно
в чистейшем озере безбрежном,
чем потонуть во тьме кромешной,
в подливке мутной, подгоревшей.

Припев: Поперченный, посоленный,
замученный в неволе я!
О-о-о, бедный!

Я пересох. Восторгов стоны
неслись мне вслед во время оно.
Теперь же я черней вороны, лебяжьей нет на мне короны.

Припев: Поперченный, посоленный,
замученный в неволе я!
О-о-о, бедный!

Я прибыл весь в застывшем сале
из кухонной подвальной дали.

Но бодро рыцари жевали, под стол шутам куски кидали.
ЧТОБ НЕБЕСА ИХ ПОКА-Р-Р-РАЛИ!!! КРЯ – КРЯ – КРЯ – КРАЛИ!

Припев: Поперченный, посоленный,
замученный в неволе я!
О-о-о, бедный!

О ПОВЕДЕНИИ ПОДМАСТЕРЬЕВ

Вот паренёк с одной девицей
решили вдоволь порезвиться,
окно завесив лишь тряпицей и не закрыв замков.

Припев: Чур меня, чур, во веки веков!
Клянусь Граалем, мы всё наврали.
Содом и Гоморра, такого позора
у нас быть не может, прости нас, Боже!

Те двое были в полном раже,
мы вам подробно всё расскажем,
всё видно без замочных скважин и без дверных глазков.

Припев: Чур меня, чур, во веки веков!
Клянусь Граалем, мы всё наврали.

Содом и Гоморра, такого позора
у нас быть не может, прости нас, Боже!

Эй, парень! Ты, по крайней мере,
знай толк в приличиях и вере.
Греши, но запирай все двери и заведи альков.

Припев: Чур меня, чур, во веки веков!
Клянусь Граалем, мы всё наврали.
Содом и Гоморра, такого позора
у нас быть не может, прости нас, Боже!

*Этот раздел написан по материалам моей
публикации в журнале «Новый мир» № 8 за 2013 г.*

ЕСЛИ ЭТО НЕ СЕРЕБРО, ТО ЧТО ЭТО?

*В поисках серебряного века.
Немецкий декаданс*

«Нет-нет-нет, серебряный век – понятие исключительно русское, в Германии его не было». В этом едины все немецкие литературоведы. И мельхиора – «серебра для бедных» – тоже не было? – пошутим мы. Нет, ни серебра, ни мельхиора не принимают неподкупные литературоведы, стоят насмерть.

Не ссориться же нам с ними. А если кто-то из читателей на свой страх и риск попробует всё-таки найти серебряный век в немецком декадансе, – не верьте своим глазам. Забудьте и никому не рассказывайте.

Как бы то ни было, русский серебряный век и немецкий декаданс возникли из одного и того же источника – французского символизма. В свою очередь немецкий символизм, как и русский, породил разветвлённую систему взглядов на искусство в целом и на поэзию в частности. Основными направлениями в немецком декадансе, кроме символизма, стали выросшие на его основе импрессионизм и экспрессионизм. Различия между ними в самом общем виде можно сформулировать таким образом: символист ищет идеальную сущность явления, импрессионист передаёт мимолётное впечатление о нём, а экспрессионист вскрывает внутреннюю, истинную суть описываемого предмета.

Определения, как видим, достаточно расплывчатые и, применительно к лирическому стихотворению, отнюдь не исключают друг друга. Неудивительно поэтому, что немецкое литературоведение тасует одни и те же имена, раскладывая их по разным группам.

Так, по некоторым классификациям, Стефан Георге и Гуго фон Гофмансталь – символисты, а Райнер Мария Рильке и Рихард Демель – импрессионисты, а по другим – ровно наоборот. Теодора Дойблера относят к экспрессионистам, а иногда к символистам.

По поводу Эльзе Ласкер-Шюлер существует больше единства, её все называют поэтессой экспрессионизма, хотя сама она себя так не определяла и к теоретическим вопросам была равнодушна.

А один из величайших, по всеобщему мнению, поэтов экспрессионизма – Готфрид Бенн – был хорошим врачом и профессиональным литератором себя вообще не считал; огромное количество стихов он написал не для публикации, а просто для себя или для той же Эльзе Ласкер-Шюлер, в которую был влюблён. Во многом с аналогичной мотивацией писал и Рихард Демель. И вряд ли, ухаживая за Эльзой, они разбирались, кто из них импрессионист, а кто экспрессионист.

Для нас, читателей, все они просто хорошие лирические поэты с более или менее похожим мировоззрением и общим кругом тем.

Вот темы, которыми переболели все поэты-декаденты:

- предчувствие катастрофы, апокалипсиса;
- распавшаяся гармония окружающего мира;
- мстительность злого бога, отождествляемого иногда с сатаной;
- переоценка взаимоотношений героя, «сверхчеловека» и толпы;

отчуждение человека от общества;
соотношение жизни и смерти.

Рильке, например, вообще считал жизнь и смерть неразделимыми и называл смерть горькой косточкой в сладком плоде жизни, видел смысл жизни в смерти. Спасение казалось возможным только в акте творчества, связанного с душевным или физическим страданием.

Строго междунами, непрофессионалами, – совсем простой, ненаучный способ быстро отличить импрессионистские стихи от экспрессионистских такой: импрессионистские стихи более красивые, а экспрессионистские более мрачные. Ищите различия таким нехитрым способом, если это вообще имеет для вас значение, но главное, не проболтайтесь литературоведам.

Чётко развести поэтов-декадентов по отдельным квартирам (экспрессионисты – направо, а импрессионисты – налево) не получается. Проще поступить так с их стихами. Отдельные стихи легче классифицировать по их стилю, чем их авторов целиком. Поэтому некоторые поэты будут располагаться в этой книжке в обеих главах в зависимости от содержания их стихов.

«Мой голубой рояль».
Немецкий импрессионизм

В разные моменты те или иные темы могли превалировать в творчестве поэта-декадента в зависимости от внешних обстоятельств или изменения взглядов. Соответственно менялась и стилистика поэтического письма, и потребность в новаторских языковых приёмах. Менялись и эстетические критерии. Эстетика жизни в творчестве поэта-импрессиониста могла измениться на эстетику смерти, присущую поэту-экспрессионисту, и наоборот.

Внутренний мир поэта-импрессиониста необыкновенно причудлив. Его стихи очень декоративны и утончённы. Так и видятся изогнутые и переплетённые растительные орнаменты, бледные бестелесные портреты, приглушённые краски стиля «модерн». И стихи импрессиониста всё-таки не столь мрачны и безысходны, как стихи экспрессиониста.

Во всех декадентских стихах, как я вычитала в одной немецкой статье, ощущается «лунный отблеск и перезвон серебряных колокольчиков символизма». Стоп!!! – закричим мы – КАКИХ колокольчиков? Так, значит, всё-таки серебро было? Не обольщайтесь, – скажут нам упёртые литературоведы. – Колокольчики серебряные были, стихи тоже, а века такого в Германии не было. Ну, не спорить же нам с профессионалами?

Что же, почитайте побольше немецких импрессионистов, и вы не заметите, как сами заговорите о луне и серебряных колокольчиках. Почитайте немецких импрессионистов, «сделайте себе красиво».

Основные имена поэтов-импрессионистов – Р.М. Рильке, С. Георге, Р. Демель, Г. Гофмансталь, Э. Ласкер-Шюлер, Т. Дойблер и многие-многие другие. Импрессионистов – чистых или «по совместительству», т.е. писавших и в другой манере, – было в немецкоязычной поэзии очень много.

Эльзе Ласкер-Шюлер

(1869 – 1945)

МОЙ ГОЛУБОЙ РОЯЛЬ

У меня сохранился голубой рояль,
но я не помню ни ноты.
В подвале он к стенке прижался понуро
без чьей-то любви и заботы.

Забыт и не нужен, мне так его жаль, –
растрескалась вся политура...
Там звёздам с луной бы сыграть пастораль,
а вместо того – отвалилась педаль,
мышинные зубы изгрызли эмаль,
обглодана клавиатура.

Попасть бы при жизни мне в райскую даль
и хлеб не просить у кого-то.
Подальше сбежать бы от злого сумбура,
в нем жить нет ни сил, ни охоты.

СТАРЫЙ ТИБЕТСКИЙ КОВЁР

Вот две души совпали без просвета,
как узелки на коврике с Тибета.
Как будто бы сама узор плету я –
цветы и звёздочки сливаются, флиртуя.

Такой ковёр – для ног он колыбель –
соткали мне за тридевять земель.
Там юный лама – царь зверей в горах,
его лобзанье на моих губах.
И мы на троне, – травами увитом,
украшенном цветами и самшитом.

В ТВОИХ ГЛАЗАХ

В твоих глазах – не синь, а бирюза.
И сердце укатилось без возврата
под эти голубые небеса.

Но ждёт меня последняя утрата,
когда придёт для сердца час заката.

Райнер Мария Рильке

(1875 – 1926)

ОСЕНЬ

Вот листья падают, что где-то надо мной
в других садах – небесных – увядали,
а к нам сюда лишь умирать упали.
И по ночам вот из такой же дали
роняет кто-то весь наш шар земной.

Всё в мире падает. В пространстве и веках
вот-вот возникнет хаос столкновенья.
Но есть кому остановить паденье,
мир удержать на собственных руках.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Скажи, господь: пора. Как лето долго длилось.
Тень передвинь на солнечных часах,
чтобы земля семи ветрам открылась.

Вели плодам осенним дозревать,
даруй им день-другой немного солнца,
чтоб вьющейся у сельского оконца
лозе последней сладости добрать.

Теперь бездомный не построит дом.
И одинокий пары уж не встретит,
никто ему на письма не ответит,
и ночью плакать будет он о том,
что не ему окно чужое светит.

У ФОНТАНОВ

Теперь я знаю много о фонтанах –
причудливых деревьях из стекла.
Они растут лишь в вымечтанных странах,
их век не дольше, чем слезинки странной,
что высохла скорее, чем стекла.
Забыл ли я, как помогает небо
во всех печалях, болях, суете?
Неужто я с старинных парках не был,
в чьих сумерках все растворялись беды,
где пели девы, обо мне не ведав,
разлив повсюду – в воздухе, в воде –
мелодию любви и сострадания,
наполнив ночь напрасным ожиданием
и отразив в оттаявшем пруде?

Я часто вспоминаю, что бывало
здесь, у фонтанов, и во мне самом,
когда на воду я глядел потом:
как ветви, струи на ветру дрожали,
раздробленно, размыто отражали
пруды – осколки мира. И в пожаре
из брызг воды, налитых краснотой
садящегося солнца, чередой
сожжённой у прудов – леса стояли
и выгнутое небо оттеняли,
и мир был отстранённый и чужой...

Мне не забыть, как звёзды каменели
и замыкались в скорбной немоте.
Они сквозь слезы вниз на нас смотрели,
не узнавая. Может, мы не те,
кем кажемся? И сами в высоте,
на небесах других миров планетой
восходим, и влюблённые поэты,
нас восхваляя, молятся во тьме?

И, может, к нам направлены их взоры,
и, миновав бескрайние просторы,
до нас доходит через много лет
их фонарей чуть различимый свет?
Найдя его под дверью, у порога,
мы чувствуем поблизости их бога,
а своего – на небе ищем след.

Стефан Георге

(1868 – 1933)

* * *

Зайдите в парк, приговорённый к смерти.
Под выгоревшим ситчиком небесным
как будто бы набросок на мольберте:
застывший пруд, аллеям жёлтым тесно

от сваленной листвы. Но вот пустая
скамья на солнце. Там сплетутся руки,
там ни души, и даже речь людская
не помешает грусти от разлуки

и проводам растаявшего лета.
Теперь теплу по-летнему не литься,
и каждой капле солнечного света
мы подставляем благодарно лица.

ПОРА УЙТИ

Ну, вот и всё, пора уйти.
Я не стараюсь вызвать жалость,
но стариков гнетёт усталость,
им с юностью не по пути.
Мне оставлять тебя тревожно,
не усидишь ты взаперти,
а ведь кругом всё зыбко, ложно.
Но мне пора, пора уйти.
Тебя любить бы и лелеять,
и золотые сны навеять,
а вместо них скажу «прости».
Ну, вот и всё, пора уйти.

Гуго фон Гофмансталь

(1874 – 1929)

Из цикла «ТЕРЦИНЫ О ПРЕХОДЯЩЕМ»

1.

Бывает, засмотревшись в даль морскую,
где нет земной, так надоевшей, тверди,
я облегчённо внутренне ликую,

вдруг открывая неизбежность смерти.
Вот точно так сидят, притихнув, дети
уж за полночь, устав от круговерти

большого дня. И бледны лица эти,
безжизнен взгляд усталых тёмных глаз.
И кажется, вся кровь их на рассвете

перетечёт в деревья, в травы, в нас.

2.

Смотреть на жизнь, задумавшись, мечтая...
Мы сами из мечты, как эта ночь,
луна над нами бледно-золотая,

плывущая по небосводу прочь,
чем дальше, тем всё медленней и тише...
как дети в полночь, – им играть невмочь

под кронами корявых старых вишен.
Да-да, вот так всплывают и мечты,
чтоб вновь уплыть. Мир ярок и подвижен.

Фантазии плывут из темноты
и, как луна, меж веток застревают
и отгоняют призрак пустоты,

и мир вещей одушевляют.

Рихард Демель

(1863 – 1920)

ИЗДАЛЕКА

В небе, в облачном прибое
тонет звезда;
издалека
юный месяц скачет в море.
Издалека,
в сером облачном отливе –
струйкой капли путь свой свили,
меркнет звезда.

* * *

Вот снег пошёл.
Он всё никак не тает
и засыпает серость бытия.
К концу зимы
снег поспешит напиться ярким светом
и сам напоит все сухие корни,
чтоб умереть к весне.

БОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ

Ты изголодалась по счастью, Ева,
но всё ещё боишься сорвать яблоко,
которое твой бог не даёт тебе
уже три тысячи лет.
Да ты ещё совсем дуручка, Ева!

Каждый вечер я так и вижу,
как сидя на одинокой узенькой постели,
ты протягиваешь в мольбе свои худенькие ручки
к нему – богу одних стариков.
Оставь его мне, я лучше сумею поговорить с ним!

Нужно адское терпение, чтобы достучаться до него.
Этот старикашка не порадовал никого –
из робких и одиноких.
Зато он дал тебе твой голод и твои руки:
хватай яблоко, ешь его и только потом – терпи!

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Мы всё сказали. Нет слёз, нету слов.
Мы, как на вокзале, – поверх голов
короткий взгляд, поцелуй без страсти.
Ты вьёшь гнездо, но размер его мал,
я стены гнезда раздвигал и ломал.
О счастье...
Обняться? Но руки повисли плетью.
Да как же расстаться с женой и детьми?
Прощальный вздох, – и судьба на части.
Была ты со мной кротка и нежна,
но кротость и нежность была не нужна.
О счастье...
Позволь же смягчить нам прощальную боль
и мир твой обратно вернуть мне позволь,
свободу вернуть – в нашей власти.
Ты станешь мне снова являться во сне –
дороже, нужней и любимей вдвойне.
О счастье!

Теодор Дойблер

(1876 – 1934)

НАТЮРМОРТ

Вот лунный свет скользнул по старой скрипке,
достиг в тени скучавшей долго лютни –
и посерел, предутренный и мутный,
стал то ли цветом, то ли звуком зыбким.

Как напряжённо может быть молчанье!
Слух обострён, но мир кругом беззвучен,
пусть хоть бы знак какой-то был получен,
пусть скрипка не таит своё звучанье.

Вот молча дремлет лютня в тёмной нише,
мы не услышим колыбельных песен
и звуки-бусинки на струны не нанижем.

Как чувств и настроений мир наш тесен –
вот лунный луч наполнен голосами,
мы видим тишину и слушаем глазами.

ВИДЕНИЕ

В который раз одна картина, –
мой путь размечен, сжат и сужен, –
все те же ели и долина,
но я чужой, я им не нужен.

Жизнь прожита, как день был прожит.
К ручью склонили ветки ели,
и слёз сдержать звезда не может, –
звон колокольный – не по мне ли?

Готфрид Бенн

(1886 – 1956)

АНГЛИЙСКОЕ КАФЕ

Жульё в остроносых ботинках,
женщины – русские, еврейки;
вымирающие народы, дальние страны
протискиваются сюда сквозь весеннюю ночь.
Скрипки зеленеют. Май обтекает арфу.
Пальмы румянятся, взволнованные ветром пустыни.
А вот и Рахиль в своём золотом браслете –
не опасна для тела, но ум вострепел:
врагиня! И всё же руки её – земля обетованная;
изумительно тёмные, неизбывные,
они соскальзывают с колен.

И этот – смазливый, с серьгой – притащился,
весь в «Шарм д`Орсей».
Нет, всё-таки нарциссы ужасно славные –
с жёлтыми мордашками, с лужайкой у ног.

О, какая блондинка! О, солнечность этого затылка!
О, эта жасминовая отравка у сгибов локтей!
О, я уже люблю тебя. Я поглаживаю взглядом
твои плечи.

Слушай, давай уедем:

Тирренское море. До безобразия голубое.
Дорические развалины. Долины в завязях роз.
Поля, изнемогающие от белых лилий.

Губы, уставшие от желаний
и переполненные словами, как бокал,
шепчут о ранней осени,
и кровь замедляет свой бег.
Голова разламывается.
На лбу траурная повязка из тёмных бровей.
Улыбнись!
Порадуйся радуге скрипичных каденций.
1912

Бёррис Мюнхаузен

(1874 – 1945)

ГРАФИНЯ

Графиня кормит в конюшне коня
сахаром и конфетами,
у теннисной сетки мячик ловя,
графиня дымит сигаретами.
Широкая лестница к саду ведёт
графиня – скользит на перилах,
девизом графиня избрала «Вперёд!»,
как предки её на турнирах.

В записках царапает несколько слов,
бросает блокнот со стихами,
графиня не любит садовых цветов,
на клумбах – репей с лопухами.
Графиня готова дурачиться, петь,
фокстрот танцевать до рассвета.
Одно лишь графиня не может терпеть –
так это всех нас, поэтов!

СТАРИК

– Знаешь ли ты пожилого
господина, что под вечер,
каждый день, вдоль тех же улиц
совершает моцион?

– Да, я знаю, он живёт ведь
далеко от центра, в доме,
где так тихо, и от конки
там едва ли слышен шум.

И фарфорово-изящно,
тонко он ведёт беседы
с седовласой старой дамой,
что когда-то он любил.

Перед ними белоснежный
на двоих кофейный столик,
над которым старомодный
дух галантности парит.

На прощание целует
он увядшую ей ручку
и, захлопнув табакерку,
отправляется домой.

Вильгельм Зюскинд

(1901 – 1970)

ТВОЙ ДОМ

В безлюдье улиц и там, и тут
огни мерцали, огни мелькали...
В безлюдье улиц и там, и тут,
зыстыв навывтяжку, дома стояли.
Река спешит к тебе и гонит вод поток,
спешат деревья, спрятав в листьях лица,
накинув их, как на бегу платок,
чтоб на пути к тебе не простудиться.

К тебе все тянутся мосты,
и звёзды метят в реке мне брод,
и воздух взволнован, и всюду ты,
и ветер забил мне рот.
На мокрой холодной древесной коре
застыли пальцы, – лица не помнят
и ключ не удержат в руке.
А в доме твоём столько запертых комнат
и множество тайных дверей.

Агнес Мигель

(1879 – 1964)

КАРИАТИДЫ

Там, за зеленью решётки,
за газоном и за кадкой,
где растёт южанка-пальма,
и за клумбой красных далий,
недоступная для шума,
вилла издали белеет.
И по бархату газона,
по огню пурпурных далий,
по утоптаным дорожкам
свет прозрачный, предзакатный
дня сентябрьского струится.

В голубой тени балкона
белым мрамором коленей
молча, сумрачно сияют
две сестры-кариатиды,
опустив бесстрастно лица,
что по-сестрински похожи.

Там, за зеленью решётки,
тишину у белой виллы
стерегут кариатиды.
У одной положен палец
на улыбчивые губы,
у другой – налёт страданья
на лице лежит гримасой
и рука прижата к сердцу...

Георг фон дер Фринк

(1889 – 1968)

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

- Признайся, не ты ли придумал траву?
Не по той ли ты, часом, части?
- Куда мне! Вот разве на сено нарву,
а выдумать чудо – во сне ль, наяву, –
не этой я масти мастер.
Закрываются очи ночи.
Навевает мне синий сон
полевых колокольчиков звон.
- Признайся, не ты ли придумал сирень?
Не по той ли ты, часом, части?
- Горазд я бумагу марать целый день,
а выдумать чудо – мне трудно и лень, –
не этой я масти мастер.
Закрываются очи ночи.
Красный сон подаёт мне знак –
среди злаков алеющий мак.
- Признайся, не ты ли придумал мечту?
Не по той ли ты, часом, части?
- Про горе и радость стишки лишь строчу,
а выдумать чудо – за честь я почту, –
не этой я масти мастер.
Закрываются очи ночи.
Сколько вспаханных в небе борозд,
семена в них посеянных звёзд
видно ночью – воочию.

Йоханнес Бехер

(1891 – 1958)

ЧУДО

Скажи, случилось, правда, чудо?

Теперь на мир смотреть я буду
сквозь твой прищур, твоим зрачком,
ловить, как мотыльков, сачком
твои шаги и ждать, покуда...

из ветра слов я не добуду,
что шепчут мокрые кусты:
я есть – пока есть рядом ты.

«Сумерки человечества». *Немецкий экспрессионизм*

Так назывался программный поэтический сборник немецких экспрессионистов, выпущенный в 1919 г. Немецкий экспрессионизм – весьма непросто обозначаемое литературно-художественное понятие. В России экспрессионизма не было. В качестве наиболее знакомого нам поэтического направления можно, пожалуй, назвать символизм в поэзии русского серебряного века. В Германии и Австрии экспрессионизм создал новый способ художественного осмысления действительности и стал ведущим течением в немецкоязычной литературе первой трети 20-го века.

Если реалист описывает гармонию окружающего мира, если импрессионист передаёт мимолётное впечатление о нём, а символист ищет идеальную сущность явления, то экспрессионист пытается уловить внутреннюю, истинную суть описываемого предмета. Вот таким образом, от обратного, легче всего определить сущность немецкого экспрессионизма. Или иначе: экспрессионизм – это немецкая версия модернизма – всеобщего литературного направления, описывающего кризис мировой цивилизации.

Расцвет экспрессионизма пришёлся на 1910 – 1920 годы. Поражение Германии в Первой мировой войне, разруха, потеря колоний, а с ними и престижа «белого человека», переоценка взаимоотношений героя, «сверхчеловека» и толпы определили и основной круг тем поэтов-экспрес-

сионистов: распавшаяся гармония окружающего мира, предчувствие катастрофы, апокалипсиса, мстительность злого бога, отождествляемого иногда с сатаной. Спасение, если оно вообще возможно, видели только в акте творчества, основанного на непрерывном душевном или физическом страдании.

Однако, одно лишь страдание не могло бесконечно долго оставаться основным содержанием поэзии. В 30-е гг. экспрессионизм оказался вытесненным в литературе более лёгким и ироничным «новым деловым стилем».

Основные имена в поэзии немецкого экспрессионизма: Георг Гейм, Эльзе Ласкер-Шюлер, Георг Тракль, Готфрид Бенн, Август Штрамм, Вильгельм Клемм, Герман Гессе, Йоханес Бехер и др. Некоторых из этих поэтов я представляю в следующей небольшой подборке.

Эльзе Ласкер-Шюлер

(1869 – 1945)

MORITURI

Ты написал стихи моею тёмной кровью,
и стала хромоножкой душа.
Любовный рай сменив на долю вдовью,
себя открыв наветам и злословью,
мне доживать смиренно, чуть дыша?

Нет! По ночам, в цветущих душных розах
высиживает смерть своих птенцов.
Им не нужны ни ягоды на лозах,
ни мир, оживший при дождях и грозах,
нашлю их на тебя – всем сонмом мертвецов.

ПРИМИРЕНИЕ С БОГОМ

Вот свет звезды скользнул в мои колени...
Но мы не спим,
лавина слов, изогнутых, как арфа,
многоязычна.
В ней молитва
от всех народов ввысь устремлена.
Народы – дети,
так жаждущие чуда примиренья
и поцелуя Бога-мудреца,
чтоб отдохнуть.
Но Бог всё медлит.
Казался близким – как щека к щеке,
и кровь его – была моим румянцем.
Но мира нет...
И свет звезды
скользит всё так же по моим коленям.

Вильгельм Клемм

(1881 –1968)

НАТЮРМОРТ

На столе лежали две огромные луковицы
в тугой блестящей кожуре.
За ними – захлёбывалось небо
в зелёном угаре листвы,
и горизонт тонул вместе с ними.
Мне было грустно,
что ничего, и этот натюрморт,
нельзя сохранить навечно.

Луковицы-глобусы
смотрелись памятниками,
прекрасным образом целого поколения,
таинства самой жизни –
между восходом и закатом.
Моё сердце сжалось.
Время бесконечным дождём
моросило на них,
на эти две головы,
что умирая, склонялись друг к другу.

НА ФРОНТЕ

Поля заплаканы. Земля везде пуста.
Разбиты улицы. Случайные машины
увязли в глине. Вот дома без крыш.
Вот лошадь мёртвая лежит в глубокой луже.
Окопы вырыты. Они обведены
отвалами земли, как тёмной рамкой.
Сарай горит, молотит пулемёт.
Вот выехали всадники из леса.

Шрапнели облако букетом расцвело,
вот он увял, вот расцветает снова.
А этот мелкий дождь, как он похож на смерть.
Всё нынче – как вчера. И завтра – будто нынче.

Йоханнес Бехер

(1891 – 1958)

ИЗБРАННОЕ

Те немногие удачные места
из моих не слишком удачных виршей
впоследствии выдернут,
чтобы доказать,
как я был похож на вас всех.

Но это не так –
я всегда был похож
только на себя самого.
Да-да, и из-за гробовой доски,
не знаю только, как долго,
я буду отчаянно защищаться
и объяснять всем желающим,
что был похож на себя,
а тем самым и на вас тоже,
но похожим совсем не тем,
о чем вы подумали.

Потому что походя на себя,
я и вас сделал похожими.
Но только в таком порядке,
а не наоборот.

Герман Гессе

(1877 – 1962)

СЕНТЯБРЬ

Грустит мой сад,
и тонет холодный дождь в оставшихся цветах.
Сентябрь жарой пропах,
ещё не веря в осень, он всё глядит назад.

Как капли, листья.
Летит с акаций золото капли.
Как в колыбели,
в саду лежало лето в шубе лисьей.

Дождь и слеза,
смешавшись, упали на отцветшие левкой.
В предчувствии покоя
закрыло лето сонные глаза.

В ТУМАНЕ

Я споткнулся в молочном тумане –
неприкаян, забыт, одинок.
И шатаюсь всю ночь, как в дурмане,
я стряхнуть наважденья не мог.

Мир казался друзьями наполненным,
когда в жизни был утренний свет.
А в тумане – так пусто, так больно мне,
и друзей тех в помине уж нет.

Правду жизни познаешь лишь в сумерки,
когда счастья задут огонёк,
и не видно тебя, точно умер ты.
Каждый будет во тьме одинок.

Странно было бродить в тумане
по иззябшей, застывшей земле.
И короткий рассвет не обманет –
ты один, каждый сам по себе.

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЙ ДАМЕ

Ах, был бы я гвоздикой иль фиалкой,
тогда бы я, поверь, почёл за честь
лишь на твоей груди увянуть жаркой,
но, к сожаленью, мне цветком не цвести.

У нас земные, чёрт возьми, заботы,
а увядать – покорнейший слуга!
Попробуй это ты сама сработать –
вот яд, кинжал, глубокая река.

Я на земле не так уж много значу –
и слаб, и хворей у меня не счесть.
Я, может, хороня тебя, поплачу,
но повторю – фиалкой мне не цвести.

Готфрид Бенн

(1886 – 1956)

СЛОВО

Одно лишь слово – шифром, кодом
запечатлело жизни суть.

Светила с их привычным ходом
лишь слово может повернуть.

Одно лишь слово – льда сверканье,
жара и стужа, блеск огня.

И снова тьма, и страх молчанья,
и пустота вокруг меня.

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НИКАКОЙ ПЕЧАЛИ

В странно маленькой постели, почти детской,
умерла Дросте (посмотрите в её музей в Мерсбурге);
на диване, в старом доме у какого-то столяра
умер Гёльдерлин;

Рильке нашлась, правда, больничная койка в
Швейцарии;

а в Ваймаре, на белой подушке,
до последней минуты мерцали
большие черные глаза Ницше.

Вокруг всех громоздилась какая-то рухлядь,
не разобрать уже где – чья, случайная, призрачная,
сгнувшаяся в водовороте жизни.

Мы несём в себе зачатки всех божеств,
ген смерти и ген страсти.

Кто разделил их – слова и вещи?
Кто смешал их – мучения и плаху,
на которой они кончаются?
Этот кусок дерева, омытый ручьями слёз,
убогое пристанище на короткий миг?

Не может быть никакой печали.
Слишком далеко, не достать рукой
той последней постели, тех слёз.
Было ли, не было?
И рождение, и немощи, и вера –
всё приходит вдруг и разваливается без следа,
лишь чудом мелькнет иногда и взволнует во сне,
в последней постели, в последних слезах.
Так засни же!

БЕРЛИН

Если вдруг дома и парки
станут степью голой, жаркой,
и пески их занесут...
если варвары нагрянут, –
лисьи шапки, лук натянут,
у церкви коней пасут...

...то в развалинах Берлина
меж следов тигриных, львиных
раскопают письма,мена,
что лежала здесь когда-то
и пропала без возврата
предзакатная страна.

*В этом разделе использовались мои журнальные
подборки стихов и комментарии к ним: «Новый мир»
№ 8 за 2017 г., «Студия» № 16 за 2012 г.*

ЛИРИКА ДЛЯ ВСЕОБЩЕГО УПОТРЕБЛЕНИЯ

«Новый деловой стиль».

Немецкий поэтический авангард

Одно лишь любование прекрасным, характерное для импрессионизма, и одно лишь страдание, бывшее основной темой экспрессионизма, уже исчерпали себя и не могли бесконечно долго оставаться главным содержанием поэзии. В 20-30-е гг. декаданс оказался вытесненным в литературе более лёгким и ироничным «новым деловым стилем».

«Новый деловой стиль» («Нойе Захлихкайт») – это направление в немецкой литературе (1918 – 1933 гг.), возникшее в период Веймарской республики и закончившееся с установлением в Германии фашистской диктатуры. Подчёркнуто трезвый и реалистический, холодно дистанцированный от наблюдаемого объекта, этот новый литературный стиль использовал повседневную лексику и ориентировался на общечеловеческие, а также бытовые и злободневные сюжеты.

Этот стиль появился как реакция на сухость и дидактичность «старого делового стиля» -- реализма 19-го века и на вычурность декаданса, господствовавшего в литературе в начале 20-го века. Именно из этого нового

литературного направления вырос современный театр и кинематограф. Основными представителями нового делового стиля в литературе были: Б. Брехт, Э.М. Ремарк, Г. Гессе, К. Тухольский и многие другие писатели.

Поэзия, возникшая в рамках нового делового стиля, получила, по выражению Б. Брехта, название «лирики для всеобщего употребления» («Гebraухслирик»). Она, так же как и проза этого направления, отвергала какие-либо романтические иллюзии и отражала технический и духовный кризис общества после Первой мировой войны. Трезвость и скептицизм в оценке всех жизненных реалий породили и особый язык такой поэзии – лёгкий, насмешливый, нарочито приземлённый.

Стихи должны были восприниматься сразу и всеми, быть понятными и общеупотребительными. Поэтому поэзию стремились вывести из академических рамок и придать ей новое звучание и современную разговорную форму. Самыми яркими и заметными представителями «лирики для всеобщего употребления» были К. Тухольский, М. Калеко, И. Рингельнатц, Э. Кестнер, Б. Брехт.

И не могу здесь не сказать: Курт Тухольский и Маша Калеко – мои самые любимые немецкие поэты, но они малоизвестны русскому читателю. Я много их переводила, ради них и затевала эту книжку, чтобы показать их в зеркале времени. Мне хочется привести здесь побольше их стихов. И тут, я думаю, не найдётся возражений со стороны строгих литературоведов. В Германии этих замечательных поэтов печатают много и охотно, но в России они ещё в значительной мере «terra incognita».

«Все мы немного Тухольские»

Промежуток с 1918 по 1933 гг., а это как раз период Ваймарской республики в Германии, был особенно плодотворным для всех областей художественного творчества. Здесь возникло то, что мы теперь называем немецким авангардом.

Это время было очень противоречивым. С одной стороны – поражение в войне, безработица, гиперинфляция. С другой – вернувшиеся солдаты не узнавали своих городов с появившимися двухэтажными автобусами, эскалаторами, светящейся рекламой. Они не узнавали витрин магазинов с электрическими стиральными машинами и тостерами. Они не узнавали своих женщин в коротких юбках, стриженных, голосующих на выборах, овладевающих мужскими профессиями и поступающих в университеты. Они заново учились танцевать – какие-то диковинные шимми и фокстроты.

Это было время новаций во всех областях жизни. И литературе потребовался новый язык и новые приёмы для адекватного воспроизведения внутреннего мира современного человека и окружающей его реальности. Этот новый язык – более сухой, точный, несколько дистанцированный от наблюдаемого явления, использующий повседневную лексику и описывающий хорошо

известные каждому ситуации, и лёг в основу создавшегося литературного направления – «нового делового стиля». Поэзия, возникшая в рамках «нового делового стиля» – «лирика для всеобщего употребления» – характеризовалась таким же чётким и понятным каждому языком, мгновенным эстетическим и этическим воздействием на читателя. Она была как кусочек сахара для альпиниста – поддерживала силы здесь и сейчас. Вытащил из кармана, проглотил, – и сразу в кровь.

Это было направление, блистательно освоенное Куртом Тухольским. Здесьгодились и краткость хлёстких формулировок, выработанных Тухольским-журналистом, и тонкий лиризм Тухольского-поэта, и умение увидеть и передать смешное, свойственное Тухольскому просто как остроумному человеку и блестящему полемисту. «Лирика для всеобщего употребления» была его любимой средой обитания, он царил в ней и был высоко оценён и современниками периода Веймарской республики, и нами, его потомками.

Сначала я хотела назвать этот материал о Тухольском как-то так: «Заметки на обороте меню» или «Заметки на ресторанном счёте» – ну, типа «Записки на манжетах». И понеслось бы всё по накатанной колее, как на экскурсии, – сначала любимая котлета Тухольского в одноимённом ресторане (есть такой в Берлине). Потом визит на улицу Тухольского (есть такая неподалёку). А под конец душились бы все вместе с другими экскурсантами за сувенирами – майками, кружками, сумками с цитатами из Тухольского. Надписи, и правда, забавные, ну вот, например:

«Жаль, что это вино нельзя погладить, как женщину!»
«Кошка – единственное четвероногое, объяснившее человечеству, что кого-то можно любить и беречь, ничего не требуя взамен».

*«Или ты прочитываешь женщину, или ты обнимаешь-
ся с книгой. Синхронизировать процессы невозможно».*

И под конец экскурсии всегда один вывод: Тухольский – журналист, юморист, пацифист. Даже про пацифиста говорят не всегда – это для особо продвинутых.

Так в Берлине массовому читателю представляют Тухольского – на экскурсиях, в концертах, в аннотациях на обложках его книг. Книг, правда, много, но в них собрано далеко не всегда лучшее, а всё больше по той же линии: журналист – юморист – пацифист. Это примерно то же, что свести всего Чехова к Антоше Чехонте и письмам с Сахалина. Тогда «Чайка» и «Дом с мезонином» нам только приснились? Нет, никаких «заметок на манжетах» про Тухольского быть не может! Не тот размер.

У нас этого прекрасного лирического поэта (я подчёркиваю, – поэта!) и прозаика – и только потом уже всё остальное! – знают и того меньше. А ведь он классик немецкой литературы, один из создателей «нового делового стиля» и «лирики для всеобщего употребления».

Он сам называл себя подмастерьем Генриха Гейне, имея в виду тот сплав серьёзного и ироничного, трагического и повседневного, который всегда присутствует в его стихах. Характернейшая черта в поэзии Тухольского – это глубокое содержание и лёгкая, блестящая, часто игровая форма.

И удивительное дело – никак не устаревают эти стихи, приходит новое поколение, – и начинается у этих стихов их новая жизнь. Это ли не признак большого дарования?

Тухольский издаётся в Германии в огромном количестве, о нём написаны тома литературоведческих исследований. Его творческая биография изучена подробнейшим образом и растиражирована как в немецком, так и в

русском интернете. Казалось бы, что ещё нового можно добавить к ней?

Оказывается, можно. Не так давно вышла книга Рольфа Хосфельда «Тухольский. Жить по-немецки», Берлин, изд. Зидлер, 2012. Автор пишет, что Тухольского сильно упрощают, растаскивая его по «отдельным ведомствам». Кто-то определяет его по ведомству берлинских шансонов и помещает в индустрию развлечений. Кто-то односторонне слишком политизирует его и видит не просто пацифистом, но и сторонником коммунизма, чего никогда не было, даже учитывая несколько левых юношеских стихотворений (на этих стихах хорошо потопталось ГДР-овское литературоведение).

Тухольский, как считает Хосфельд, был намного сложнее и разностороннее, «он был поэтом, умеющим даже с легкомысленной музой глубоко и серьёзно пофилософствовать». Поэтому и публикации его стихов лучше делать, по мнению автора, без разделения их по жанрам. Прислушаемся к этому совету и мы в этой книжке.

Тухольский никогда не был коммунистом, он был сторонником консервативных моральных ценностей с лёгким левым оттенком, пишет далее Хосфельд. И именно это сделало его нерешительным и даже несколько беспомощным при наступлении фашизма, давало какие-то ложные ожидания и надежды, что диктатура не может утвердиться в просвещённом государстве. Это мешало ему своевременно решиться на окончательную эмиграцию в нейтральную Швецию, где он подолгу жил.

Давно замечено, что если по-настоящему талантливый поэт пишет о себе, то это всегда отчасти и обо всех нас. Я не случайно назвала это небольшое вступление таким образом, чтобы просвечивала знаменитая метафора Маяковского – «все мы немного лошади». Когда я пе-

реводила Тухольского, – летом, в польской Прибалтике, Маяковский как будто дачу рядом снимал.

Не захочешь, а увидишь, как много похожего и в жизни, и в стихах этих двух крупных поэтов. И жили примерно в одно время, и в любви были несчастливы, в юности переболели левыми идеями, в зрелом возрасте страдали от диктатуры, подолгу бывали за границей, молодыми решили уйти из жизни.

И самые лучшие стихи у обоих – о любви. И рифмы оба любили неточные, как бы и не рифмы вовсе, а созвучия. И ритмика – далёкая от классических образцов, так и слышен перестук какого-нибудь «Ундервуда». И строчки лесенкой.

Есть что-то общее у этих поэтов, несомненно. При жизни они не встречались – ни в Берлине, ни в Париже, а могли бы. Знали, наверное, друг о друге понаслышке. Но потом, в самой своей последней и окончательной «эмиграции», – не могли не столкнуться и вряд ли молча прошли друг мимо друга. Встречаются сейчас, наверное, по выходным – сидят где-нибудь на облачке, читают новые стихи, пьют пиво. Да там вообще компания как на подбор. Будете в тех краях – обязательно подойдите, поздоровайтесь.

Ниже стихи Тухольского в моём переводе. Я поступила с ними крайне ненаучно – не сортировала их ни тематически, ни по времени написания. А расположила скорее «по степени любимости» – какие больше люблю, с тех и начала. Книжка-то моя как называется? Вот именно. Ну, разве что эстрадные куплеты поместила подальше – в главу о литературном кабаре.

Курт Тухольский

(1890 - 1935)

ДВОЕ В ОКНЕ

Воскресное утро. Двое на улицу
глядят из окна и от солнца жмурятся.
Вот дети прошли. Один – забияка –
дразнит зачем-то чужую собаку.
Те двое сошлись лишь на пару часов,
не видеть им общих супружеских снов,
им вместе не жить ни недель, ни годов, –
она не готова, и он не готов.

На лице у мужчины – ни тени заботы,
воскресным утром нету работы.
Не хочется думать про это до срока, –
какая в конторе бывает морока.
Который час? Он не знает точно.
Он связан с женщиной, но насколько прочно?
Ведь только руку протянешь кому-то, –
разводят года, разлучают минуты.

У женщины тоже – не видно тревоги.
Светлые волосы, длинные ноги.
«Надо бы замуж, я большего стою,
белое платье с венком и фатою...»
Напротив балкон. На лесенке шаткой
девчонка сидит и хрустит шоколадкой.
«А может, не надо фаты и цветов? –
и я не готова, и он не готов...»

Роман на излёте. Но страшно ли им?
Уйдёт он с другою, она – с другим.
Их встреча мелькнёт, не оставив следа,
разлука спрессует минуты в года.
А что, если всё же остаться им вместе, –
хоть занят жених, недосуг и невесте?
Привычка заменит любовный их пыл.

Но хочется, чтоб ни один не забыл
то солнце, то утро, оконный проём,
в котором когда-то стояли вдвоём.

ГДЕ-ТО РЯДОМ

В соседнем номере, под самой крышей,
за тонкой стеной, где отстали обои,
всю ночь взволнованно, я их плохо слышу,
спорят о чем-то нескончаемом двое.

Мой пульс зашкаливает – удар за ударом.
Мужчина, сбивчиво: проходит жизнь даром.
Она: как страшно остаться одной!
Плачут в комнате за стеной.

Теперь целуются. Подушка упала.
Я слушаю, к стенке приблизив ухо.
Она засмеялась и что-то сказала.
Мария! – позвал он негромко и глухо.

Мой это всхлип? Одного из них?
Спор оборвался, и плач затих.
Кровать заскрипела. Целуются вновь.
За тонкой стенкой – чужая любовь.

В гостях всё лучше, – казалось мне в детстве.
Там музыка громче, сады зеленее,
в гостях не бывает болезней и бедствий,
и даже еда почему-то вкуснее.

Казалось, что жизнь настоящая рядом –
за чьим-то забором, за чьим-то фасадом.
Я помню, как детской тянулся рукой
к обманчивой жизни за чьей-то стеной.

Я взять этот город всеобщего счастья
осадой хотел или с уличным боем,
но рвал только душу и сердце на части,
а жизнь флиртовала опять не с тобою.

Теперь я скиталец, бродяга, вагант, –
пустая сума и простой провиант.
Что стоило взять бы в дорогу с собой, –
по-прежнему в комнате за стеной.

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ

Я часто прихожу домой –
измучен и измотан.
И там вручает ангел мой
себя моим заботам.

Любить – забота номер раз –
за пустоту наивных глаз.
Прощать – забота номер два –
за то, что грамотна едва.

Твой мозг нетронут, чистый лист:
кто либерал, кто роялист,
кто нынче в опере солист,
где водятся еноты –
не знаешь ничего ты.

Кафешантан зовёшь фонтаном
корицу путаешь с Кораном,
бордель назвала ты бордюром.
Итак, де-факто и де-юре –
ты потрясающая дура!

Я иногда хожу налево –
к учёным женщинам и девам.
А что, неплохо в самом деле
затеять семинар в постели.

Но утром – сам себе не рад –
я прихожу к тебе назад,
целую глупые уста.
Ты восхитительно пуста!

1930

ПРОСРОЧЕННЫЕ СЧЕТА

Ребёнком лет пяти-шести
на праздник к тётке Дженни
меня решили привести
играть с кузенком Мэнни.

Там было множество конфет,
все взяли по две штуки.
Но я сказал зачем-то: «Нет!»,
в карманы спрятав руки.

Я столько лет потом терзался –
ведь мог бы взять, но отказался!

Невеста у меня была,
блондинка с милым личиком,
но больно далеко жила –
у черта на куличиках.

Была одна такая ночь...
Она была тогда не прочь...
Но я вдруг ласки прерываю,
бегу к последнему трамваю.

Полжизни я потом терзался,
всё мог иметь, но отказался!

Однажды слышу я: «Привет!»,
и в дружеском порыве
меня поймал друг юных лет
в курилке в перерыве.

Он говорил один полдня,
не дав мне вставить слова,
хоть умных мыслей у меня –
всегда мешок готовый.

И я до вечера терзался,
ведь мог сказать, но отказался!

Пусть ждут конфеты, взгляд маня,
невеста, друг болтливый,
теперь не сделают меня
они ничуть счастливей.

Бывало, бес во мне хохочет:
«Он много может, но не хочет!»
Теперь злорадно подытожит:
«Он много хочет, но не может!»

Всё, что ненужно, всё при нас –
от века та же повесть.
Даруй всё людям в нужный час,
господь, имей же совесть!
Аминь!

ЧУВСТВО ЖИЗНИ

Это острое чувство жизни –
когда оно приходит?
Может быть, когда рядом друг?
Нет, всегда в одиночестве.

Однажды я стоял на веранде
маленькой деревенской гостиницы,
и передо мной вдалеке,
отражаясь в озере,
парил замок Грипсхольм –
с его зубчатыми стенами
и черепичными крышами.
Это был кусочек шведской земли –
со мной, деревянной гостиницей
и с пыльными деревцами вокруг.
А рядом, в комнате,
крутилась пластинка с зелёной наклейкой,
и молодой голос пел на кокни:
– Whatdoyousay?..
И вдруг это чувство –
ведь это я существую.

Вот таким было однажды
это сильное чувство жизни.
Ну а если рядом женщина?
Нет, это приходит всегда в одиночестве.

Однажды, поздно ночью,
я пришёл домой
после неудачного любовного поединка

с высокой белокурой красавицей.
Я пришёл посрамлённый,
вежливо отвергнутый,
с ненужными стихами
(«Да-да, спасибо, оставьте...»)
и вдруг увидел себя со стороны –
как я стою у круглого столика
с безвкусным розовым ночником.
Мне было невыносимо жаль себя,
но я чувствовал –
ведь это я существую.

Да, вот и таким ещё было
ощущение жизни.
А среди людей?
Нет, это приходит всегда в одиночестве.

Как сохранить это чувство в себе?
Часто бывает, что ты хочешь жить,
но не можешь начать.
Хочешь жить,
но в суете не находишь времени для жизни.
Хочешь почувствовать, что есть в тебе,
но всё время занят тем, что вокруг тебя.

Сохрани же своё ощущение жизни,
потому что умерев,
ты будешь очень и очень разочарован.
Живые, у вас ещё есть время!

О РАВНОДУШИИ

Ей повезло с работой
у бара, на углу.
Глазеет беззаботно
на небо и луну.

Она девица честная –
сверх таксы не берёт,
вся публика окрестная
к ней в очередь встаёт.
Талия рюмочкой,
помахивает сумочкой,
сумочкой,
сумочкой – чего же вам ещё?

Уходят с ней студенты,
профессий всех синклит:
бухгалтеры, доценты
и сам герр доктор Шмидт.
Бывает, и отлупят,
ну что же, поделом!
Но как всегда заступит
на смену за углом.

Взгляд хотя и сумрачный,
помахивает сумочкой,
сумочкой,
сумочкой – чего же вам ещё?

Знамёна со штандартами
по улице несут,

штурмовики с солдатами
так слаженно поют.
Да, для неё – лишь пение,
лишь множество мужчин.
Для гнева, нетерпения
и страха – нет причин.

Жуёт сосиску с булочкой,
помахивает сумочкой,
сумочкой,
сумочкой – чего же вам ещё?

1931

НАД КРЫШАМИ

Дымы над крышами пахнут угольной пылью,
стоят неподвижно – к морозу и штилю.
И лёгкий совсем (был или не был?)
перезвон колокольный от шпиля к шпилю...
С ним тоска моя поднимается к небу.

Как же сыростью тянет с реки!
Зачем что-то делать, ходить на собрания?
У меня голова есть и две руки
(никому не нужные), и лишь дураки
верят, что это найдёт признание.
А кто-то болтает и о призвании...

За стенкой снова – драка и крик.
Эту каморку мне сдал старик,
проторчавший в конторе пятьдесят пять лет.
Он не брал выходных, не ходил на обед
и теперь, вынув зубы и сняв парик,
стал похож на скелет.

Зайти проведать. Говорят – занемог.

Серое утро сменяется серым же полднем.
В ознобе, под собою не чувствуя ног,
я обхватил себя руками и плечи поднял.
Что это? Кажется, меня кто-то обнял?
Что это? Кажется, я не одинок?

Окна зажглись, потеплело, и лужи повсюду.
В кухнях хозяйки домыли посуду
за люмпеном-сыном, за люмпеном-мужем,
люмпен нигде никому не нужен,
но с кухонь в надежде на завтрашний пир
покорно пойдёт завоёвывать мир.
А я всё смотрю на дымы над крышами...

1931

ЧУВСТВО

«Дежа вю» – это чувство многим знакомо.
К примеру, проснулись вы где-то не дома,
в деревенской гостинице, в какой-то глуши,
где вы не знаете ни души.
Запах кофе и шелест газет с террасы.
В окнах подушки лежат и матрасы.
Вот квохчет и хлопает крыльями курица.
Ведро у забора. Вот пыльная улица.
Вот тётка спускается с шаткой стремянки,
и тут бы дорогу спросить у крестьянки,
но странное чувство пронзает вас вдруг:
ведь всё это было, всё – замкнутый круг.

Вы знаете «чувство гостиницы»?
Когда всё вокруг как бы сдвинется,
и близкое – вдруг далеко,
его возвратить нелегко.

Вы в кресле сидите. В доме прохладно.
Но в комнате вашей что-то неладно.
Вас не греет тепло, вы не видите света
вашей лампы на книге, да и книга – не эта.
Вы знаете точно, что вы здесь живёте:
вот ваша супруга в измятом капоте,
вот ваши очки, полотенце, посуда,
вот дочка, которую мучит простуда.
Привычно поёт закипающий чайник,

и вдруг озаренье – вы здесь лишь случайно,
впервые, проездом, лишь вскользь, ненароком
гостиничный гость с не гостиничным сроком.
Это похоже – как сказать бы проще? –
на чувство голода, но острее и жёстче.

Каждый день в конторе, борясь безуспешно
с кипой скучных бумаг, вы строчите прилежно
снова те же бумажки, не хватая звёзд с неба,
за кусочек масла с кусочком хлеба.

Нет, это не голод, это не жажда,
просто вдруг позарез вам надо однажды
проваляться с журналом всё утро в постели
или съездить куда-нибудь, просто так, без цели.
И дать себе роздых, и позволить лишнее,
чтоб всё прибитое наружу вышло бы.

Чтобы не только день за днём вкалывать –
не слишком тесно, не слишком мало ли?
И всё-таки жажда и всё-таки голод –
на краски, на звуки, на жизнь, пока молод.

Всё очень шаблонно. Сюжет здесь не нов.
Об этом молчат и не пишут стихов.

MEDIA IN VITA

А ведь она где-то ходит –
эта женщина в больничной косынке,
переставляет склянки, что-то моет,
та, что мои глаза закроет
и скрестит мне руки на казённой простынке.

Каждое утро, когда я у зеркала орудую бритвой,
мне дни мешает подсчитывать сплин –
что было отпущено минус один,
и пена на шее, как стихарь для молитвы.

Мои смертные руки, лицо и шея –
вряд ли кто-то слезу из-за них ещё выжмет.
Умирать начинаешь ещё при жизни,
умирать – как вытягивать кисть из клея.

1931

ПАРИЖ, ПАРК МОНСО

Здесь хорошо. Здесь я не обезличен,
не среднестатистический балбес.
Не видно угрожающих табличек
про штрафы – где с посадкой, а где без.

Лежат и ходят люди по газонам,
гоняет с гамом мячик детвора,
и не боится наложить назло нам
под ноги кучу псина со двора.

Вот стайка иностранок.
То-то мука (они наверняка впервые тут)
им проверять путеводитель Кука:
такие ли деревья здесь растут?

Всего пустяк для счастья-то и нужен –
сесть на скамейку, ноги протянуть,
услышать смех, увидеть солнце в лужах
и от своей отчизны отдохнуть.

1931

ПАВЛИН

Любуйтесь – вот павлин. Блистают перья,
и этот блеск для женщин нестерпим,
он словно эротическое зелье,
а хвост! – нет слов, про хвост мы промолчим.

Он знает, что красавец, и капризно
свой хохолок топорщит надо лбом.
Сквозь хвост сияет солнце, как сквозь призму,
но о хвосте подробнее – потом.

Сказать по правде, есть и недостаток –
в полете когти жуткие видны.
Но на земле (полет павлина краток)
они поджаты и не так страшны.

Он не умён. Но нынче ум не нужен,
мозги ведь могут перевесить хвост.
Их и не видно, а вот хвост – снаружи,
глядите – встал красавец в полный рост.

Он бы запел, – не может. Ну и что же?
Шипение не портит общий вид.
Общаться с дураком – себе дороже,
пусть он распушит хвост и замолчит.

1927

ИДЕАЛ

Да, да, да!!! Я этого хочу-у-у!!!
Вот вилла в саду, большая терраса.
Вид на берлинскую Фридрихштрассе,

правда, из кухни, а вообще – на Ривьеру.
В кино за углом – каждый вечер премьеры,
а рядом – кафе, варьете, казино...

Но:
всего-то в избытке, всего-то много,
но та-а-ак элегантно и о-о-очень строго.

Хочу девять комнат, нет, лучше десять,
собрание картин, чтоб на стенки повесить.
Всё так изысканно, неизбито,
а персонал – молчалив и воспитан.
Одна жена – в доме, для светских целей,
в каморке у сауны – гарем их целый.
Но их не видно,
жене не обидно.

В конюшне два пони и два рысака,
а в гараже – не решил я пока:
альфа-ромео, хорьх, ягуары?
Там всякой твари стоит по паре.
Для бездорожья – попроще что-то,
ну, пусть два форда – для осенней охоты.

И наконец, что так важно всегда –
это изысканнейшая еда.
Только от мыслей – вспотел и устал!

Чистая скатерть, хрустальный бокал,
фарфор с серебром... Мне даже неловко,
такая у нас каждый день сервировка.

И денег-то куча,
и совесть не мучит,
диваны – кожаные,
дети – ухоженные,
здоровье –
слоновье,
и жизнь – беспечная,
приятная, вечная...

Да-а-а, да-а-а! Я этого хочу-у-у!

Но счастье разве достижимо?
Заходит редко, чаще – мимо,
а и зайдёт, – не целиком,
всегда с откушенным куском:
вот деньги есть, – так женщин нету;
все бабы тут, – так нет монеты;

отплыл корабль, – порвался леер;
вот с гейшей спишь, – мешает веер;
с испанкой, – гребень на затылке;
вот рюмка есть, – но нет бутылки.

Утешься! Так у всех бывает,
кусочка счастья не хватает.
Оно – надрезанный арбуз,
но ярок цвет, но сладок вкус.

ГЛАЗА БОЛЬШОГО ГОРОДА

Когда ранним утром
ты идёшь на работу,
когда выходишь за порог
со своими заботами,
город показывает тебе
в асфальтово-гладком
водовороте людей
миллионы лиц.

Скользкий взгляд незнакомых глаз,
зеркало зрачков под ресницами.
Что это было? И сколько же раз
мне в нём суждено отразиться?

Ты идёшь по своей жизни
тысячами улиц,
ты замечаешь на ходу,
что тебя забыли.
Веки вздрогнули,
душа зазвучала,
ты кого-то нашёл,
но только на миг.

Вот быстрый взгляд незнакомых глаз,
зеркало зрачков под ресницами.
Что это было? И сколько же раз
тебя собирать по частицам мне?

Вот так ты и будешь брести, –
как тень среди теней,
мимо кого-то – медленно,
мимо других – быстрее.
Ты минуешь врагов,
ты минуешь друзей –
вечных попутчиков.

Короткий взгляд незнакомых глаз,
зеркало зрачков под ресницами.
Что это было? И сколько же раз
та главная встреча приснится?

1930

А ЧТО В СЕРЕДИНЕ ЛУКОВИЦЫ?

К быку приведена коровка,
бык сделал быстро всё и ловко.

Итак: коровка.

Не ясно? – Мы не виноваты,
но так рождаются телята.

Итак: коровкины
телята.

Теперь в траве полно лепёшек,
на них расцвёл цветной горошек.

Итак: горошек
с лепёшек
от коровкиных
телят.

Цветы сорвали, сделав сразу
букет в гостиничную вазу.

Итак: букет
из горошка
с лепёшек
от коровкиных
телят.

Украшен вазой лучший suite,
жених с невестою там спит.

Итак: новобрачные
в гостиничном номере
с букетом
из горошка

с лепёшек
от коровкиных
телят.

И в тот же день, а может, в ночь,
был сделан сын (хотели – дочь).

Итак: сын
новобрачных
из гостиничного номера
с букетом
из горошка
с лепёшек
от коровкиных
телят.

Сын рос простой, без выкрутасов,
открыл он фабрику матрасов.

Итак: фабрика матрасов
сына
новобрачных
из гостиничного номера
с букетом
из горошка
с лепёшек
от коровкиных
телят.

На этой фабрике кроватной
я сделал свой заказ приватный –
печать и бланк, трёхзначный номер.

На той кровати я и умер.

СЕЛЯВИ!

В бессонницу лежишь, дурак, до свету
в мучениях, числа которым несть, –
ну почему же у меня всё нету
того, что у других обычно есть?

Мечтаешь о блондинке и модели,
а кто с тобой в супружеской постели?
Жена там на подушке – брюнетка и толстушка,
и тоже ждёт любви ... Селяви!

Модель должна ни толстой быть, ни тощей:
прибавить фунт – была б она толста,
убавить фунт – была б живые мощи,
прибавить рост – ходячая верста.

Нет, лучше так: пониже чуть, но в теле...
Терпенье, блин, реально на пределе,
а рядом на подушке храпит жена-ватрушка,
ей тоже дай любви! Селяви...

Вся жизнь моя – сплошные неудачи:
вот трубку выбрал, а принёс – не та!
Почти всегда недодают мне сдачи.
А с выборами эта суета?

Вот кайзера терпеть не захотели, –
республика не слаще в самом деле!
Пусть лучше на подушке брюнетка и дурнушка
всё так же ждёт любви... Селяви!

1929

ОНА СПИТ

Утром, в обрывке последнего сна,
время в часах, как прибор:

тииик – тааак!

В лодке без паруса, вёсел и дна
позволь мне уплыть с тобой.

Они спят вместе – прекрасная фраза –
и тьмою командуют оба:
ночник берегут от дыхания, чтобы
огонь не погас в нём ни разу.

Вот так и дремать бы весь день допоздна,
пока ты спишь, – ты со мной.
Лишь утром, в обрывке последнего сна,
мужем нам быть и женой.

1928

ОНА — ЕМУ

Я отдала тебе так много:
жизнь, душу, деньги – всё подряд.
Ты мой избранник перед богом,
ты мой карманный мини-ад.
Мы так давно с тобой знакомы –
не год, не два, а десять лет.
Ты выучил любви приёмы,
но ты не нежен, нет.

Ты целовать умеешь сладко,
помаду не забыв стереть.
Любви не хлопотной порядком
ты не намерен пренебречь.
Ты в притязаниях умерен,
не каждой побежишь ты вслед.
Ты, может быть, мне даже верен,
но ты не нежен, нет.

О, если мог бы стать ты нежным,
сердечным если мог бы быть!
Я в этом озере безбрежном
могла бы пальцы окропить.

В любовном роббере, бывает,
бьёт даму козырной валет.
Кто больше любит, – тот страдает,
но ты не нежен, нет.

1925

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК

Что можно подарить ребёнку
на ёлку, в праздник, к рождеству?
Комплект подгузников, пелёнку,
костюмчик новый к торжеству?
Или купить мешок конфет?
А правда, почему бы нет?

А может быть, аккордеон?
И каждый вечер – тёмный, зимний –
пускай разучивает он
патриотические гимны.
Или игру «Народный суд»?
Другие – вряд ли принесут.

А «Избирательный участок»? –
Ребёнок примет на ура.
Игрушку спрашивают часто,
довольно редкая игра.
Такой игры у чада нет,
пускай потерпит пару лет.

Устал. Подарок я понуро
ищу. Запал давно пропал.
На полках – только «Диктатура»,
все смёл предпраздничный аврал.
Но это есть у всех давно,
ведь смотрят отпрыски в окно.

1919

К НАРОДУ

Твоё величество народ,
скажи, ты, правда, идиот?
Так полагают власти.
И правы, – но отчасти.

Из вертикали власти – рык:
«Народ к другому не привык.
Вот взять, к примеру, хоть кино –
оно понятным быть должно.
И в книжках – упростить язык,
давно к перу приравнен штык».

Скажи, великий мой народ,
ты – идиот?

Ты хочешь газеты, как школьный букварь,
ты хочешь читать по складам, как дикарь?
Боишься, чтоб знанье тебя не задело,
и не осуждаешь неправое дело?
Боишься, что умных прогонят с работы,
от мыслей ненужных – сплошные заботы?
Боишься, что треснет твой хлипкий мирок
и грубо раскрашенный сгинет лубок?
Не переносишь решительных жестов,
боишься протестов, не дай бог, арестов?

Скажи, мой великий и храбрый народ,
ты – идиот?

А вдруг, это правда? Ты смирен и верен,
патологически благонамерен?

И правду не может усвоить желудок,
и веришь вранью, отключая рассудок?

Тогда ты достоин реальности нашей,
питайся кефиром и манною кашей.

1931

ВСЁ!

Мир пополам. Разбегаются двое.
Это любому недёшево стоит.
Время пришло, разделились пути, –
обоим теперь в одиночку брести.
Он – один, и она – одна.
Чья здесь вина?

Ничьей нет вины. Здесь просто беда,
их тропки не скрестятся никогда.
Но в каждом частица другого найдётся,
что-то от нас ведь всегда остаётся.

Ведь было – всё сладилось мало-помалу,
жизнь с общей кастрюлей, с одним одеялом.
Всё лучшее в них они вместе сложили
и в муках друг друга как будто родили.

Мы странники в мире сплошной слепоты,
там ощупью Я ищет близкое ТЫ.
Слепцами бредём мы в неведомый рай,
обетованный мы ищем край.

1930

СОМНЕНИЕ

Не тот корабль, открой глаза –
не те и палуба, и мачты.
С ненастьем проиграешь матч ты,
подняв чужие паруса.

Скользит каюта из-под ног,
глаз вертикалям стен не верит,
бежишь, но заперты все двери,
и неподвижен душный смог.

Возврата нет. И налита
вся голова нестройным хором,
как будто строки приговора,
звон колокола: ни-ког-да...

Мне странны те, что среди нас,
зажмурясь, верят через силу, –
ведь не настало, не пробило,
ещё не время, не сейчас!

Кто глупостью своей силён,
тот служит верно, беспорочно,
но каждый к времени бессрочно,
пожизненно приговорён.

1925

УЛЫБКА МОНЫ ЛИЗЫ

Перед твоим покорнейшим слугой
на стенке в Лувре ты паришь так зыбко –
со скромно в руку вложенной рукой
и с тою самою улыбкой.

Ты знаменита, как та башня в Пизе.
С улыбкою твоей как не попасть впросак –
над чем же всё-таки смеётся мона Лиза,
над нами, с нами, из-за нас,
так всё же: как?

Науке жизни учишь молчаливо,
без слов портрет твой, Лизонька, кричит:
кто этот мир разглядывал пытливо,
с улыбкою вздохнёт и замолчит.

1925

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

В мой смертный день (его я так и вижу!)
к обеду был кисель – как я люблю, пожиже,
на нём из сливок жирных размазня –
любимейшее блюдо у меня.

Здесь рядом сын, Лудольфик, милый мальчик,
стоит у гроба, в нос засунув пальчик.
Его одёрнул бы – в другой я раз,
сейчас мне лень – а-а-а, чтоб всех вас!

Торжественно выносят гроб мужчины,
один лишь Карл не сделал нужной мины
и ущипнул соседку, идиот.
Я б сделал то же – траур ей идёт!

До кладбища неблизкая дорога,
устанешь притворяться недотрогой,
а выглядит отлично, молодец.
Напрасно возмущается отец.

В сторонке, скромно – грузная матрона,
узнал с трудом, в вуали из шифона.
Ведь это с ней всё было в первый раз...
И вот грустит – не напоказ!

Вот экс-жена, ей не до сантиментов,
теперь свободен я от алиментов.
Пусть подаёт хоть в Страшный суд –
но денег ей не принесут.

Вот на подушке – словно на прилавке –
несёт мой орден капитан в отставке.
Тащить легко, один квартал,
не много мне мой кайзер дал.

Гурьбой – путанки местного борделя,
отгулов взята целая неделя,
для них, и правда, горестный момент –
уходит невзыскательный клиент.

Да, жизнь моя была сплошной ошибкой.
Гляжу на всех с вакхической улыбкой –
настал мой праздник и конец всех мук,
я сам себя сбываю с рук!

1922

*Здесь использованы мои переводы и материалы по
Курту Тухольскому, опубликованные в журналах
«Студия» № 13 за 2009 г., «Новый мир» № 6 за 2014 г.,
«Иностранная литература» № 4 за 2019 г.*

**«Эта Маша» –
знаменитая,
но неизвестная**

Сегодня Маша Калеко популярнейший в Германии поэт. Массово издаётся, изучается в школе.

Расцвет её таланта, как и многих немецких литераторов, приходится на период Веймарской республики (1918-1933 гг.), вызвавшей необыкновенный подъём творческих сил в стране. Несмотря на поражение в войне и экономический кризис, этот подъём ощущался во всех областях науки и искусства.

Установление демократической формы правления, новые права женщин, появление в быту массы технических новинок, изменившийся стиль городской жизни, – всё это требовало и нового художественного осмысления. Экспрессионизм, ещё недавно господствовавший в литературе и искусстве, уже не отражал новой картины мира. Новые отношения, новые занятия, новые привычки жителей больших городов породили и современный им литературный язык – «новый деловой стиль». Маша Калеко, наряду с Куртом Тухольским, Эрихом

Кестнером, Йоахимом Рингельнатцем и Бертольтом Брехтом была равноправным создателем «нового делового стиля» – главной литературной новации Веймарской республики. В поэзии этот стиль проявился в виде «лирики для всеобщего употребления», разработанной теми же авторами.

Неудивительно, что имя Маши Калеко всегда связывают с этими именами. Как и эти поэты, она «не хотела писать заумные элитарные стихи для избранных. Она предпочитала доходчивые, раскованные, озорные, очень современные стихи, полные иронии и, в то же время, неподдельных человеческих чувств. Это были стихи о повседневности и для повседневности, – дерзкие, запоминающиеся, эмоциональные». Так пишет о Маше Калеко её подруга и издатель Гизела Цох-Вестфаль в предисловии к книге «В моих мечтах – ураган».

Для огромного количества современных читателей в Германии Маша Калеко – это открытие единственного женского голоса в таком, до сих пор сугубо мужском, литературном направлении, как «новый деловой стиль», с его остроумием, нарочитой бытовой приземлённостью и в то же время с глубоким лиризмом.

Стоит привести ещё одну цитату из поэтессы Анны Райнсберг, написавшей предисловие к книге «Пара сверкающих лет»:

«Маша Калеко знала кучу практических вещей, – как поднять петлю на чулке, как лечить больное горло, как справляться с ревностью, где найти дешёвое кафе. Всё было знакомо и попадало в стихи. И в какие стихи! Она поэт умный и всё понимающий. Она философ маленькой жизни маленьких людей. И в то же время она сентиментальна, хотя никогда не опускается до сладкого успокаивающего вранья. Её стихи скорее суровы и очень честны... Как хотелось бы с ней познакомиться лично».

И, пожалуй, стоит добавить, что помимо простоты и искренности, в стихах Маши Калеко воплотилась всегдашняя мечта немцев о вечной женственности, вспомним «вечно женственное начало» из «Фауста» Гёте. Это лирика на все времена, как у любого большого поэта. Вечные великие стихи о любви. И особенно интересно сочетание такой вневременной по яркости чувств и мощной выразительности поэзии – со множеством сиюминутных деталей, привязывающих стихотворение к конкретному времени и месту. Но это уж обязательная отличительная черта «лирики для всеобщего употребления».

Не забудем также интересное сочетание серьёзной лирики с легкомысленными и остроумными стихами, исполнявшимися самой поэтессой как эстрадные номера и песенки в литературных кафе. Эта традиция продолжается и сейчас, – песенки Маши Калеко есть сейчас и в интернете, и на CD.

Стихи Маши Калеко отражают все причудливые изменения её судьбы. Читая их, стоит вспоминать о фактах биографии поэтессы.

Маша Калеко родилась в 1907 г. в еврейской семье в Галиции, где видела нищету и погромы, многократно переезжала. Заканчивать школу ей пришлось в Берлине, этот город она полюбила навсегда и считала своей родиной, а немецкий язык – родным. В 21 год она выходит замуж и берет фамилию первого мужа Калеко, оставшуюся у неё на всю жизнь.

Уже через год, работая секретаршей в адвокатской конторе, она начинает публиковать свои стихи. Таким образом, имя Маши Калеко впервые всплыло в Берлине около 1930 г. Знаменитый журналист заметил молодое дарование и предложил регулярно печатать

эти яркие, острые лирические стихи в газете между злободневными фельетонами и сообщениями о политике и экономике. Возник особый жанр – повседневная лирика для большого города. После первых же газетных выпусков «эта Маша», как её стали называть в Берлине, стала широко известна.

Газетные публикации Маша Калеко объединяет в цикл «Записки машинистки», где она в найденном ею новом стиле наивно, трогательно и насмешливо рассказывает о берлинском житье-бытье молодой служащей, тоскующей в своей конторе. Поэтесса переполнена новыми впечатлениями от берлинской богемной жизни, встреч с интересными людьми, любовными переживаниями.

Неожиданно для себя самой, после первой же книжки, Маша становится чрезвычайно известной поэтессой и весьма необычной экзотической фигурой, появившейся «ниоткуда» в «Романском кафе» среди знаменитостей берлинского авангарда.

В 1933 г., несмотря на очевидную необходимость срочно уезжать в эмиграцию, Калеко задерживается ещё в Берлине, где выходит её первая большая книжка «Лирические стенограммы».

Стихи действительно похожи на стенограммы из городской повседневной жизни, это смесь берлинского острого словца с иронией, чувствами молодой влюблённой женщины и тонкой наблюдательностью умного неравнодушного человека. Уже в первой книге можно заметить характерную для Маши Калеко связь берлинского остроумия и восточной тоски, доставшейся ей от восточнославянских еврейских предков.

Небывалый успех первой же книги поставил Машу в число самых читаемых авторов того времени.

Затем последовал ужасный поворот судьбы: вторая книга, уже напечатанная в типографии в 1935 г., – «Букварь для взрослых» – была уничтожена как «вредная еврейская литература». Та же судьба постигла и второе издание её первого поэтического сборника. И тогда, – небывалая в Германии вещь, – стихи Маши стали распространяться в машинописных копиях.

В 1938 г. поэтесса со вторым мужем и сыном эмигрирует в США, где её никто не знает. «Знаменитой, но никому не известной» живет Маша в Америке. Это состояние будет ещё не раз повторяться в её судьбе. Эмиграция означает для Маши не только резкую потерю литературной славы, но и обрыв всех культурных и языковых корней. Распалась неповторимая творческая среда берлинского «Романского кафе», где художники, поэты, писатели, режиссёры тут же, за столиками, сочиняли стихи, делали наброски, рассказывали о своих спектаклях. Негде стало печататься немецкой поэтессе в изгнании. Трудно стало воспитывать сына, всё более становящегося американцем. Тяжело было видеть безработного мужа. Самой Маше приходилось подрабатывать, сочиняя рекламные слоганы.

В 1945 г. Калеко публикует в эмигрантском издательстве свои «Стихи для современников». И хотя получает восхищённые письма от Томаса Манна, Альберта Эйнштейна и других нерядовых читателей, широкого отклика на родине в Германии книга не имеет.

Отношения с Германией в послевоенный период складываются у поэтессы очень трудно. С одной стороны, она испытывает острую ностальгию по Берлину, городу её молодости и успеха, с другой, – не может простить Германии ужасов войны и холокоста. Так, в 1949 г. поэтесса отказывается печататься в крупнейшем немецком издательстве Ровольта, в 1955 г. соглашается отдать ему свои

«Лирические стенограммы», в 1963 г. вновь забирает у него права издания. В 1959 г. она отказывается от литературной премии им. Фонтане. Все эти метания происходят потому, что во многих редакторах и членах жюри Маша Калеко видит бывших нацистов и подросших членов гитлерюгенда, перекрасившихся в демократов и добропорядочных литераторов.

Почти через 20 лет американской жизни Маша Калеко в 1966 г. по настоянию мужа переезжает в Израиль. Без знания языка и без творческого круга общения, всё так же «знаменитой, но никому не известной», живёт она и в Израиле. Стихи этого периода – о ностальгии и потерянной родине.

Раз в год Маша старалась приезжать в Европу, чтобы возобновить старые контакты с издателями, друзьями и организовать для себя литературные чтения. Постепенно в 1967-68 гг. в Европе начали вспоминать Машу Калеко, переиздавать её старые книги, напечатали и новую – «Альбом серых, как небо, стихов», тиражи книг постоянно увеличивались, появлялись газетные статьи о ней. Организовывались её творческие вечера в Швейцарии и Германии. Постепенно, пересиливая себя, Маша Калеко стала выступать по всей Германии, даже задумывалась о переезде из Израиля и приобретении небольшой квартиры в своем любимом Берлине. Но состояние здоровья и тяжёлые жизненные обстоятельства (смерть мужа и сына) не дали осуществиться этим планам.

Последний поэтический вечер Маши Калеко состоялся в 1974 г. в Берлине – любимом городе её молодости и литературной славы. В 1975 г. тяжелобольная Маша скончалась в Цюрихе, успев передать все авторские права на свой архив немецкой подруге Гизеле Цох-Вестфалль. Благодаря ей сейчас в Германии активно издаётся всё обширное поэтическое наследие Маши Калеко.

Литературная судьба Маши Калеко трагична и одновременно блистательна. Огромная известность в молодости, полное забвение в зрелые годы и недавнее триумфальное, выдержавшее уже 36 переизданий, первое собрание сочинений через 40 лет после смерти. Книжные магазины переполнены сборниками Маши Калеко. Немцы читают её, пишут о ней диссертации и просто любят. В России многие о ней слышали, но мало кто читал, т.к. Маша Калеко у нас практически не переводилась. Восполним этот пробел.

Маша Калеко

(1907 – 1975)

НЕЖНОЕ ПОСЛАНИЕ

С тобой всё лучше, – где и как уютно.
Когда мы вместе, – небо голубей,
и я себе кажусь всегда умней,
а без тебя – глупа и старомодна.

И почему-то, не возьму я в толк,
с тобой смотрюсь взрослее я и строже.
А здесь – и булочник не продаёт мне в долг,
и бакалейщик, если честно, тоже.

Безденежье меня не унижает.
Люблю твоё усталое лицо,
и даже обручальное кольцо,
когда ты здесь, меня не раздражает.

Здесь озеро, и холм изрыт ручьями.
И лес кругом, столетний хвойный лес,
как пики, ветки в нём наперевес,
гулять здесь лучше не одной, – с друзьями.
И знаю, землянике быть пора,
её во сне собрала я вчера.
Нам вновь не ждать тебя в конце недели?

Здесь белки, глушь, на днях забрёл олень.
Хоть позвони иль это тоже лень?
Наш сын подрос, – взглянул бы, в самом деле!

Встреч не бывает, знаю, без разлук.
Но нужно ли так много новых мук,
так долго ждать, так долго с жизнью биться,
чтоб в истине расхожей убедиться?

МАЖОРНЫЙ СОНЕТ

Перебирая жизнь свою устало,
спрошу себя в свободный тихий день:
Пока с души моей не стёр ты тень,
что до тебя, любимый, я искала?

Жизнь в пустоте – без счастья и без горя,
чем было без тебя моё вчера?
Одни стихи лились из-под пера
и утекали, словно реки, в море.

Я птичьего не замечала пенья
и безголосой сделалась сама.
Всегда одна, – я не ждала спасенья,
и круглый год была одна зима.

Но стоило остаться не одной, –
и вот зима сменяется весной.

МИНОРНЫЙ СОНЕТ

Я не могу забыть прошедших дней –
с какой-то театральной подсветкой.
И небывалой розовой расцветкой
нас поражали облака под ней.

Счастливым шум в ушах, – и мы летели,
куда, – не вспомнить, только бы вдвоём.
И сколько царств вмещал наш окоём,
в них нас любили и принять хотели.

Теперь для нас при каждом доме стража,
в нас видят лишь досужих бедняков.
И краска облетела с облаков,
и свет другой, хоть лампочка всё та же.

И видишь, как наивна и пошла
вся магия, когда любовь прошла.

НА БЮЛЛЕТЕНЕ

Лежу в постели с водочным компрессом,
бледна, слаба, испорчен целый день.
Соседка в медицине – ни бельмеса,
но наблюдает явно с интересом,
за что даётся нынче бюллетень.

Как мягко на моей большой подушке,
но шеей двинуть больно невзначай.
Всё тело ноет с пяток до макушки,
но лучше, чем в бюро на побегушках,
мне здесь лежать и пить жасминный чай.

В деталях разгляжу свою клетушку, –
я вижу здесь впервые яркий свет.
Обшарпанная мебель в завитушках,
слой пыли на безвкусных безделушках, –
по вечерам дневного света нет.

И в комнате услышу я впервые,
как за окном шумит дневной Берлин.
И терпеливо, как и все больные,
жду, чтоб зашли друзья или родные
снимать компресс и мазать вазелин.

Вот пробежала дверь открыть служанка.
Вот колокольчик, – дробный медный звон.
Кричит точильщик, и скрепит шарманка,
с разносчиком в подъезде перебранка, –
так каждый день живёт мой пансион.

Вот говорят в романах из кокетства:
«лежишь, а жизнь проходит». Ну и пусть!
А я как будто побывала в детстве, –
болезнь иной раз неплохое средство,
передохнув, слегка развеять грусть.

ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

Ты ушёл. В моей каморке
поселился голос твой.
«Разлюбил», – скороговоркой
мне услышать не впервой.

Пробежал, – и на ступени
тишина опять вползла.
Я не пала на колени
и в окно не позвала.

И не ты, хоть я старалась
различить знакомый стук, –
одиночество стучалось
и накатывало вдруг.

СОЛО ДЛЯ ЖЕНСКОГО ГОЛОСА

Ведь ты уйдёшь. Обвал душевной смуты –
«сезон дождей» – потом благословлю.
Пока мы вместе, жадно я ловлю
тепла и света редкие минуты.

Как резкий ветер, смёл ты жизнь мою,
с развалин пыль кружит осиным роем.
Но новый дом мы так и не построим,
и под открытым небом я стою.

Мне выжить помогает кто-то свыше.
Не друг, не муж, не брат и не жених,
не слышишь часто ты и слов моих,
не то чтоб мог моё молчанье слышать.

ЛИСТОК НА ВЕТРУ

Давай считать мои удары сердца,
потом твои попробуем считать.
Стань ближе мне, как я пытаюсь стать,
открой в душе все потайные дверцы.

Два одиночества союз не заключают.
Не принимай мои слова всерьёз,
не замечай невыплаканных слёз,
что больше слов обычно докучают.

Я точно лист, что ветром сорван рано.
Я боль ношу под сердцем, как дитя.
И одиноко за тобой бредя,
украдкой зализываю раны.

КОНЕЦ ПЕСНИ

Хотела бы тебя увидеть снова,
как при знакомстве, где-то на бегу.
Но вряд ли через толщу лет смогу
сказать два-три непринужденных слова.

Тогда «как звать?» и «сколько лет?» хватило.
Само собой родившееся «ты»,
как знак великолепной простоты,
раскованная юность нам явила.

Теперь я всё увидела б иначе.
Тогда ты был так яростно влюблён
и часто неподдельно огорчён,
что я иной раз беспричинно плачу.

Всё позади. Теперь смешно и странно –
разглядываешь в памяти пятно,
как чьё-то приоткрытое окно,
иходишь в дверь негаданно-нежданно.

Остались письма. Ясно, что любили,
и точно – были счастливы вдвоём.
Но как давно всё поросло былъём,
и как жестоко это слово «были».

НОЧЬ БЕЗ СНА

Сегодня полнолуние и тишь,
но не могу никак заснуть сегодня.
Я знаю, что и ты сейчас не спишь,
и нам луна – не сваха и не сводня.
Весь лунный лик так сумрачен, так сух,
что холодом покалывает кожу.
Своей беды не назовёшь ты вслух,
и я своей – тебя не потревожу.

СКРОМНЫЕ ВОПРОСЫ

Что мой портрет, – всё там ли он стоит?
Что связка писем, – в сотый раз читаешь?
А сельский домик, – там ещё бываешь?
И печка там по-прежнему дымит?

Всё так же трудно открывать замок?
Скрипит ли он так громко, как когда-то?
И такса лает так же виновато?
И вечерами стелется дымок?

Ты так и не поставил телефон?
А на балконе мой гамак остался?
И, может быть, теперь ты разобрался,
как починить наш старый граммофон?

А старая чудная Иоганна?
Зовет ещё «оно» на кухне газ?
Печёт печенье, как всегда, на глаз
и хлопает духовкой непрерывно?

Как по утрам, – всё так же моросит?
Выходишь ли меня, как прежде, встретить?
И постарайся, наконец, ответить, –
портрет мой у тебя ещё стоит?

Портрета нет, – не надо было рвать!
Мирились мы и ссорились так рьяно...
Кто ж знал, как будет сладко вспоминать
подробности забытого романа.

MEMENTO

Своя ведь смерть не может ужаснуть.
Уход родных, – вот с этим не смириться.
Как жить без них? Смотреть в чужие лица,

и ощупью прокладывая путь,
ползком между смертями пробираться.
Уйти ведь легче, чем одной остаться.

Кто это знает, тот не даст соврать, –
тот, кто бывал в последнем круге ада.
Самой – гораздо легче умирать,
с чужою смертью – как-то выжить надо.

1945

НОСТАЛЬГИЯ – ЧТО ЭТО?

Тоску по родине называю мечтой, –
нет больше страны у меня обжитой.
Тоска по родине – одна имитация,
если вышвыривают в эмиграцию.
Тоска по родине оставляет след:
тоски – навалом,
а родины нет.

1975

(Последний год жизни, израильская эмиграция)

НЕ МОДЕРНИСТ

Пою, как птичка может петь,
вернее, петь могла бы –
из клетки запертой шипеть
язвительно и слабо.

Не модернист, не корифей,
не крупная фигура.
Я просто жалкий воробей
в лесу литературы.

Мои стихи – простой формат,
ну, может быть, заняты,
идут – как странно! – нарасхват
и – стыд какой! – понятны.

ЛЮБОВЬ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

Случайно познакомиться не сложно.
И в первой встрече столько простоты,
всё кажется доступным и возможным, –
и за вторым малиновым пирожным
вы плавно переходите на «ты».

В разгаре флирт. Всю долгую неделю –
бюро, бумаги, ремингтонный звон.
И даже если б вы разбогатели,
встречаться слишком дорого в отеле,
и остаётся – только телефон.

Секс в выходной – гулять на лад старинный
по улицам, где облаком – бензин.
Ходить под ручку вежливо и чинно
и поневоле скромно и невинно,
и с одобренья тёток и кузин.

Все поцелуи – только на скамейке,
но тихо, здесь не принято шуметь.
И проходя укромною аллейкой,
почувствовать себя прелюбодейкой
и даже отчего-то покраснеть.

Всё б так и шло. Конец не виден близкий.
И вот – к чертям занудство и нытьё!
Протиснуться к окну телеграфистки,
и пусть доставят – в срок и под расписку –
на бланке телеграммное «Адъё!»

ДАМСКИЙ МЕЖДУСОБОЙЧИК

Стареющая злобная ехидна
всегда отпустит резкое словцо,
как только симпатичное лицо
хоть где-нибудь на горизонте видно.

И бросит вслед такой елейный взгляд,
что чашка с кофе станет чашей с ядом
(змея – ничто в сравнении с этим взглядом).
Затем продолжит, сидя с вами рядом,
хвалить ваш вид, причёску и наряд,
смотря на вас и источая яд.

Вы съёжитесь, конечно же, с испугу
и под предлогом – позвонить супругу –
сбежите прочь, куда глаза глядят.

Дражайшие мегеры! Вам завидно,
что молодость свободна и легка,
все юные стройны и миловидны,
слегка пьяны и влюблены слегка.

Милейшие гиены! Вы ослепли
от злобы и забыли, – всё потом
кончается одною горсткой пепла,
как максимум, – табличкой под крестом.

И знайте, для вас есть особый обряд,
нейтрализующий злобу и яд.

СВЯТЫЕ НИМБЫ

Примеряю знакомым на голову нимбы.
Сфотографировать каждого с ним бы!
Ведь каждый с ним – неоценим.
Приходится обожать, иногда – уважать.

С этими нимбами большая возня,
и у желающих – вечно грызня.
Нимбы легко начинают ржаветь.
Ржавый, погнутый, – куда его деть?

Мой любимый мужчина не носил свой подолгу,
щёткой не тёр и руками не трогал.
Один целый нимб – это очень много.

На любого растяпу – что нимб, что шляпу –
тот же размер и простой глазомер.

Правильный нимб не слетает при тряске,
хоть в лодке качаться, хоть ехать в коляске.
Верёвкой привязывать – несколько странно,
впрочем, надёжно и даже гуманно.

Но человечество вовсе не нище –
нимбы теряет и даже не ищет.

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС

Ты знаешь, я не буду я,
и всё, – конец роману:
быть поцелуюм без вранья,
объятьям – без обману.

Не надо кляत्व, что верен ты,
не надо в грудь биенья –
измены первые следы
найду без промедленья.

Отдам сопернице без слёз.
Сама же, правда, вскоре,
уж если говорить всерьёз,
без слов помру от горя.

Здесь я использовала свою статью и переводы Маши Калеко из журнала «Иностранная литература» № 4 за 2018 г., а также из сборника берлинских литераторов «Четвертая волна», Берлин, 2016 г.

**Рингельнатц –
«Кувыркающийся
морской конёк»**

Нашему широкому читателю имя Рингельнатца неизвестно. Кстати, это и не имя вовсе, а придуманное им самим прозвище, на матросском жаргоне означает – «кувыркающийся в воде морской конёк».

На самом деле этот немецкий поэт – Ганс Густав Бёттихер – человек-оркестр. Может быть, как раз обилие талантов и помешало ему «забронзоветь» и больше прославиться в своей основной – поэтической ипостаси.

Помимо того, что он оставил сотни хороших стихов, он обладал незаурядными актёрскими данными и невероятно смешно читал и пел свои тексты в литературных кабаре. Кроме того, он прекрасно рисовал. Посмотрите его картины в интернете – Матисс с ван Гогом отдыхают. При жизни его картины, как водится, продавались плохо, а сейчас идут на аукционах по цене самых навороченных мерседесов.

Ещё одной причиной его недостаточной у нас известности может быть и то, что он всю жизнь находился в тени блистательного Курта Тухольского – писали в одно время и об одном и том же (во всяком случае, что

касается жанра литературного кабаре). Оба остроумцы, оба насмешники, часто встречались на своих концертах. Такую конкуренцию не каждый выдержит, поневоле Рингельнатц оставался на вторых ролях.

К тому же тут есть ещё и такое обстоятельство – Рингельнатц был на 7 лет старше Тухольского, и ему довелось поучаствовать в 1 Мировой войне. Он отслужил от звонка до звонка, повидал много страшного, и поэтому юмор и критический задор в его стихах и эстрадных номерах были более приглушёнными, что ли, чем шутки молодого Тухольского.

Не закончив гимназию, в поисках заработка он часто менял профессии. Был моряком (отсюда прозвище), подсобным рабочим, уличным художником. Никогда нигде не обучавшийся рисованию, он принимает участие в профессиональных выставках и часто получает там призы.

С начала 1900-х годов Рингельнатц публикует в юмористических журналах свои первые смешные стихи. Затем один за другим выходят 2 сборника стихотворений, книги для детей, несколько новелл, а также военные рассказы.

Его книги сатирических стихов были весьма популярны и в Европе, и на родине. Поэтому в Германии они были запрещены и публично сожжены в 1933 г.

На следующий год во время гастролей Рингельнатц заболевает туберкулёзом и умирает в нищете. Именем Рингельнатца названы многие улицы в Германии и литературная премия. Имеется его музей и выпущена почтовая марка к его 125-летию.

Рингельнатц был великолепным бардом.

Переводить бардовскую поэзию, с её иронией, шутками, игрой слов и двадцатью двумя смыслами её образной структуры – это вообще-то расстрельная должность. Сво-

ими ушами слышала разговор здесь, в Берлине, после одного концерта русской бардовской песни:

«Если этот их синий троллейбус последний, то он есть в расписании и не может быть случайным. А если случайный, то он единственный и не может быть последним. Значит, это просто левый рейс, но разве можно угнать троллейбус из парка?»

А страшное «сажусь на ходу»? Да это же аварийная ситуация. Почему русские люди здесь умиляются, а не приходят в ужас?

А виноградную косточку зачем сажать в землю? Виноград размножается и черенками, проще сажать их.

А вопрос «Где деньги, Зин?» – вообще краеугольный камень семейной жизни. Почему русские тут смеются?»

Неужели и эта подборка стихов Рингельнатца будет обсуждаться подобным образом? Страшно даже браться за перевод немецкого юмора для русских. И наоборот – русского для немцев. Дойдёт ли? Хотелось бы всё-таки добиться если не улыбки, то хотя бы живого выражения лица читателя. Правда, учитывая, что и о серьёзном Рингельнатц пишет с долей шутки. Не пропустите места, где нужно сказать весомое читательское слово: «Сы-ы-ы-р».

Йоахим Рингельнатц

(1883 – 1934)

БЕРЛИНСКАЯ УСТАЛОСТЬ

Весь день провалился на смятой постели,
в немытые окна не видно ни зги.
Нет места живого в истерзанном теле,
в лохмотьях душа, и разохлись мозги.

Я вышел. Но в гуще спешащих людей
тоска стала злее, усталость сильнее.

Где сдать на хранение, хотя бы на время,
житейских забот непосильное бремя?

Вот бар, там уютная лампа горит.
Вдруг кельнер со мною заговорит?
Но нет. Нам, таким вот, навечно усталым,
мешаться с беспечной толпой не пристало.

Вернулся в квартиру и в койку упал,
сил нету, истрачен последний запал.

А рядом огнями сияет Берлин,
как будто корабль, проплывающий мимо.
Хотелось мне праздника так нестерпимо,
но вот, как всегда, я остался один.

1932

ИЗВИНИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО

Мой милый С.! Едва с кровати встал,
всё вспоминал, что накануне было?
Кто выбил зуб, с чего всё тело ныло,
и глаз заплыл, и на скуле фингал?

Я помню звон разбитого стекла.
Твоя жена (или племянник Вилли?)
швырнули супницу и тётю обварили,
я дозвонился – тётушка слегла.

Я тортом не в тебя попасть хотел
и твой пиджак готов отдать в химчистку.
Но вспомни – таз картофельных очистков
ты первый мне на голову надел!

Признаюсь, это я затеял шкаф пилить.
Да, это я обкапал свечкой Фрица.
Но разве можно на друзей сердиться?
Уж лучше больше есть и меньше пить!

Гостей твой праздник в ужас не поверг,
всем было весело, прекрасные напитки.
А шкаф и зеркало? Мы возместим убытки –
все вместе, после дождичка в четверг.

1929

ПРОЩАНИЕ С ПАРИЖЕМ

Дорогая, всё что следует ниже,
написано ещё в Париже,
в кафе «Негр де Тулуз»,
за последней бутылкой прощальной
и, быть может, навеет грусть
и покажется сентиментальным.

Я не могу здесь дольше остаться.
Завтра я расскажу всё подробно, в лицах,
буду хвастать, болтать, смеяться –
в лучших немецких традициях.

Представь, дорогая, из далёкого далека
(да и я уж теперь не ближе) –
колодцы дворов, сырость, река
и вечное небо Парижа.

Оглядываюсь, вино допивая.
Лицо Парижа встаёт без прикрас –
как и у нас, непробиваем,
самодоволен, непотопляем
так называемый средний класс.

А бедные люди – поэты, рабочие –
скверно накормлены и озабочены.

Завтра ты услышишь притчу,
что Парижем кличут.
В ней будет всё вперемешку –

в кофейнях абсент и орешки,
и башня их, и Паскэн,
в разбитом окне манекен,
и будут в Монсо петь скворцы,
в воде отражаться дворцы,
и глядя на яркость нарядов,
в фонтанах застынут наяды
(в последнее я не вникал)...

Тррррах!!! Кто-то грохнул бокал...

1927

ЧЕГО ТЫ СТОИШЬ?

Эпоха не делится –
апельсином – на дольки.
А судьбы? А люди?
Вдруг жизнь разломится на этой неделе?
Или остались мгновения только,
и больше ничего не будет?

На будущее прикидки,
как глянцевые открытки –
так же безлики,
так же прекрасны.

Проверь наличность,
сними свою кассу,
узнай перед ранним внезапным уходом,
каков твой баланс, велики ли доходы?

1934

МОИ МЫСЛИ – ТЕБЕ

Внезапно тронулся состав.
На землю спрыгнуть, не сломав
ни голову, ни шею,
они одни умеют, –
мои мысли:
на рельсах повисли, под поезд попали,
плакать не стали, –
совсем и не больно, а просто прикольно!

Догнали мысли мой вагон,
нарушив мой спокойный сон,
и наплели-наврали:
будто в плен их забрали, а они удрали, открыли засов,
перепрыгнули ров, шли по весям и странам –
зализывать раны.

И дошли, не раскисли –
мои мысли.

Был путь у мыслей не простой,
сейчас к тебе отправятся.
Прошу, прими их на постой,
если тебе понравятся.

1929

БЕРЛИНСКИМ ДЕТЯМ

Вы знаете, что вечером творится,
когда детей укладывают спать?
Родители плетут вам небылицы,
что в спальне письма надо им писать.

Ах, дети, по ночам у нас такое,
что лучше, право слово, вам не знать, —
мы пьём, целуемся, выходим из запоя,
в него же возвращаемся опять.

Мы в долг берем обычно без возврата,
мы нюхаем ночами кокаин...
Ребята, вы в гнездилище разврата,
всё это ваш, — тьфу на него, — Берлин!

1931

ФЛЮИДЫ

Рвутся чувств элементарные частицы,
слетая с орбит, положенных от века, –
из глаз – в глаза, чтоб не укрыться,
чтобы словами не загородиться.
Они обшаривают лица,
они исследуют человека.

И если частицы с первого взгляда
почувствуют скуку, а может, презрение,
то быть этим людям вместе не надо,
у них другое предназначение.

А если же чуткие эти частицы
встречаются, как после долгой разлуки,
им хочется слиться, спаяться, сцепиться,
не разнимая сплетенные руки...

... Тогда дело плохо. Вот двое людей,
стоящих поодаль. Им много не надо, –
им только бы вместе, им только бы рядом.
Неужто и их не оставят вдвоём?
Давайте-ка лучше мы все отойдём,
дадим им побыть без незваных гостей
на перекрёстке их трудных путей.

1929

ОБНЯТЬ ЕГО?

(Совет женщинам)

Обнять того, кто тебе мил?
Или пускай проходит мимо,
чтоб был разрыв непоправимым,
чтоб он гнезда с тобой не свил?

Другой сценарий – догони,
яви покорность и терпенье,
оставь расчёты и сомненья
и молча крепко обними.

А вдруг он руки сбросит с плеч,
вдруг разомкнет твоё объятье?

Уж мне ли всё о том не знать ли,
внезапной робости проклятье
мне отравляло радость встреч, –
чтобы потом, на расстоянье,
жалеть о каждом расставанье.

1932

В ЕЁ МАШИНЕ

Слаще ранета
женщина эта...
Давно не видались. Чудное личико.
И, утонув в воспоминаниях,
она – за рулём, я – весь в мечтаниях,
заехали к чёрту вдруг на кулички.

Машина приватная,
дорога бесплатная...
Авто без задержки меня туда,
куда мне хотелось, доставило.

Всё получилось совсем без труда,
авто довезло –
моралистам назло,
все точки над і расставило.

30-е гг.

КОРАБЛЬ ОБРАЗЦА 1931 г.

Нет ветра попутного, и компас шалит,
корабль направление теряет.
Туман беспросветный над нами стоит,
озноб до костей пробирает.

А с палубы верхней доносится смех,
там пьют, и поют, и гуляют.
Туман этот станет ловушкой для всех, –
там этого не понимают.

Корабль наш относит, исчез материк.
«Куда?» – не смешите вопросом,
тут лучшие головы стали в тупик,
я ж нанят простым матросом.

СУДАРЫНЯ, ПОКОРНЕЙШЕ ПРОШУ

Сударыня, покорнейше прошу
развеять тучи, что меня печалят.
Сударыня, я вам стихи пишу,
хоть знаю, что любовь не вымогают.

Я ночь не сплю – которую подряд –
и в темноте теряю мыслей нить.
Подайте слово или добрый взгляд,
вам пустяком себя не разорить.

Своим прикосновеньем или вздохом
вы можете спасти меня одним.
В моём дому не прибрано и плохо,
и из трубы давно не вьётся дым.

Сударыня, высок ваш небосвод –
без чувств земных и без забот.

1934

Здесь я использовала свою подборку переводов «Берлинская усталость» в журнале «Новый мир» № 2 за 2016 г.

Сказочник Эрих Кестнер

Эрих Кестнер – прежде всего поэт-сатирик. Происходил из небогатой мелкобуржуазной семьи, но ему удалось получить хорошее гуманитарное образование. По возрасту он не попал на фронт и в 1919 г. поступил в Лейпцигский университет, где изучал историю, философию, немецкий язык и театроведение.

Каждый немец помнит его детские стихи и рассказы. Юмористические и детские книги Кестнера до сих пор печатаются, входят в школьную программу и охотно раскупаются. Кестнер – ещё с довоенного времени – широко печатающийся литератор, автор детских книг, сатирических репортажей, комментариев, рецензий и, конечно, стихов. Написал также и несколько романов для взрослого читателя.

Он часто выступал в литературных кафе со своими сольными вечерами, сохранилась даже пластинка 20-х гг. с авторской записью.

В 1933 г. его книги, кроме одной, самой популярной детской «Эмиль и детективы», были публично сожжены на площади вместе с книгами других авторов, работающих в «новом деловом стиле». В известной речи Геббельса о произведениях, не соответствующих «здоровому немецкому духу», имя Кестнера было названо третьим.

Тем не менее, отношение фашистского режима к Кестнеру было, так сказать, нестандартным. Кестнер не был арестован, не уехал в эмиграцию, как большинство

литераторов, не согласных с нацизмом. Напротив, он продолжал много работать и публиковаться в Германии, правда, под псевдонимом.

Кестнера открыто поддерживал Геббельс, нуждающийся в авторах для индустрии развлечений третьего рейха. Он заказывал Кестнеру киносценарии и театральные пьесы. Так, Кестнер, по личной просьбе Геббельса, написал в 1943 г. к юбилею киностудии УФА сценарий о похождениях Мюнхгаузена. Этот престижный заказ был выполнен под псевдонимом Бертольд Бюргер, что никого, впрочем, не обмануло. Парадокс, но факт, – до самого конца войны Кестнер оставался неприкасаемым.

И после войны Кестнер оставался вполне благополучным и «продолжал шутить» – принимал активное участие в деятельности мюнхенских кабаре «Шаубуде» («Балаганчик») и «Кляйне Фраге» («Маленький вопросик»).

Наряду с Тухольским, Рингельнатцем, Калеко и Брехтом, Эрих Кестнер в 30-х годах был полноправным создателем «нового делового стиля» и «лирики для всеобщего употребления».

Но, в отличие от них, не развивал впоследствии своё поэтическое дарование ни в критическом, ни в лирическом направлении, а оставался преимущественно детским писателем, рассказчиком забавных историй.

И даже в качестве только «развлекателя» детей Кестнер вызывает множество удивлённых отзывов рецензентов. Так, критик Андреас Друбе пишет, что Кестнер сам загнал себя в угол, показывая детям искусственно сконструированный исключительно добрый мир, в который он и сам не может поверить, а взрослым – злой и жестокий мир, который невозможно никак изменить.

Кестнер не говорит в целом о добре и зле, присутствующих в мире, а только о хороших детях и плохих взрослых. Это притянутое за уши противоречие отличает Кестнера

от таких настоящих просветителей подрастающего поколения, как хрестоматийный Лессинг или хотя бы хорошо знакомый Кестнеру Тухольский. Это искусственное разделение этики на этику взрослых и этику детей стало большой мировоззренческой ошибкой Кестнера, пишет в своей статье автор другой детской книги Фред Родриан.

Удивление рецензентов вызывает и то, что Кестнер часто в своих книгах как бы переворачивает шахматную доску и сбрасывает все фигуры. Так, по словам критика Марселя Райх-Раницки, Кестнер «любил играть, меняя роли». Он видел вдруг в читателях своих серьёзных эссе – детей, а в читателях детских книг – взрослых. И добавлял: не родители воспитывают своих детей, а дети вразумляют своих родителей.

Не всегда соглашаются современные критики и с социальной, и даже с антивоенной направленностью стихов Кестнера. Его упрекают в том, что его критические стихи беззубы и ограничиваются лишь обращением к доброй воле «злодея», демонстрируют безнадежность и бессилие перед лицом критикуемого мира.

Такое современное восприятие книг и стихов Кестнера сильно отличается, конечно, от впечатления, которое производило в 30-х гг. его же творчество в составе великолепной пятёрки: Тухольский-Калеко-Рингельнатц-Кестнер-Брехт. Сейчас трудно себе представить, что стихи Кестнера могли казаться кому-то бунтарскими, опасными и публично сжигаться в своё время на костре.

Кестнер дожил до эры телевидения, и до сих пор ставят иногда черно-белые записи его бесед и выступлений с детскими рассказами, загадками, шарадами и т.п. Их охотно смотрят: «Ой, выходи, там по второй программе Кестнера показывают. Хороший человек, шутит так приятно, деток любит». Отчего ж не посмотреть, с устатку-то?

Эрих Кестнер

(1899 – 1972)

СКУЧНЫЙ РОМАНС

Они восемь лет уже были знакомы.
Насколько близко? Да более чем.
И вдруг разбежались, поправ все законы
драматургии чувствительных тем.

Они потеряли из виду друг друга,
как сданный на вешалку зонт или плащ.
Мужчина измучен, страдает подруга,
пускаясь то в смех беспричинный, то в плач.

То ну целоваться, то молча в окошко
следят, как к причалу идут корабли.
То крутят пластинки, то возятся с кошкой,
но вот время кофе и рюмки шабли.

Спустились в кафе. И без усталости ложкой
мешают свой кофе... «Тебе с молоком?»
И вновь замолкают... «А сахар?» – «Немножко»...
Надрать бы им уши! Жаль, мало знаком!

СОЛЬНАЯ АРИЯ

Ждать любви, в неё не веря.
Время каплет из часов.
Запираясь на засов,
целый день в окно глаза,
пересчитывать потери,
жизнь чужую взяв в наём.
Ведь страшней, на самом деле,
одиночество вдвоём.

Счастье вьётся у порога.
Изменяя вдруг маршрут,
уползает в свой закут.
Вот опять оно в дороге,
и болтается в итоге
счастье где-то, но не тут.
Ждешь любви, в неё не веря,
у окошка день за днём.
Но страшней, на самом деле,
одиночество вдвоём.

Пусть уж так. А то ведь снова –
ждать полвзгляда, ждать полслова,
ждать спокойных лёгких снов.
Врут про сладкие оковы,
знаю, нет таких оков.
Время каплет из часов.
Ждать любви, в неё не веря, –
что за странная затея,

пирамида, лотерея,
стар, как мир, такой приём.
А страшней, на самом деле,
одиночество вдвоём.

ТАКИЕ ВОТ СУПРУГИ

Лежали, сидели, куда-то мчались, –
вечно вдвоём.
Наговорились и намолчались –
ночью и днём.

Волосы реже, желтее кожа
из года в год.
Он уж старик, и она не моложе,
близок исход.

Болтают молча. Молчат выразительно.
Губы сжаты.
100 видов молчания – неувидительно,
давно женаты.

Молчат оба бодро, почти без запинки.
А вылетит слово, –
оно как заезженная пластинка,
совсем не ново.

И врать не умеют, – чтоб хлётко и злостно,
врут занудно.
Друг друга обманывать очень просто,
других – трудно.

Оба – трусы. Противна до дрожи
парочка эта.
И друг на друга они похожи,
как две монеты.

Жуют свою жвачку, как звери в клетке –
В обед ли, в ужин.

Третий подходит к ним крайне редко –
Он им не нужен.

А ночью им страшно, не греет перина, –
снится арест.

Или «приятное» – гроб и кончина,
могильный крест.

Лежали, сидели, куда-то мчались, –
вечно вдвоём.

Наговорились и намолчались –
ни о чём.

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Парням до сих пор бы по веткам скакать –
заросшим, со зверским оскалом.

Но кто-то надумал их в джунглях искать,
асфальтом поляну в лесу закатать,
построить им почту с вокзалом.

И вот троглодиты, всех блох перебив,
взялись обустроить планету.

И лапы под краном помыть не забыв,
пьют перед ужином аперитив,
но сходства с людьми всё нету.

Все страны и веси заплоня,
стригутся, читают газеты.

Но шерсть и клыки выдают дикаря,
им кажется штучкой столичной Земля,
раз созданы ватерклозеты.

Открыты микробы, протон, электрон,
приёмник в квартирах затренькал.

Гудел холодильник, звонил телефон,
НО – не запрещал им хороший тон
вставать и на четвереньки.

Исследован космос, знакома Луна,
и вот ведь – казалось утопией! –
создали секретный продукт из дерьма,
дознались одною лишь силой ума,
что Цезарь страдал плоскостопием.

Вот самый ленивый уж с дерева слез,
умыт и одет без изъяна.
Так весь человеческий род и прогресс
нам обеспечил тропический лес
и мама одна – обезьяна.

1932

*Этот раздел я написала по моим
публикациям в журнале «Иностранная
литература» № 2 за 2011 г. и в альманахе
берлинских литераторов «Четвертая
волна» за 2016, а также по немецкой
периодике.*

**Брехт -
«санитар леса
и воспитатель
человечества»**

Бертольт Брехт – один из самых знаменитых немецких писателей, оставивший нам богатейшее литературное наследие.

Ему принадлежит множество пьес и теоретических работ по реформации театра, несколько романов (в том числе и самый известный – «Трёхгрошовый»), рассказы и несметное количество стихов – немецкий интернет показывает, что их более 2500, и всё время находят новые. Его творчество глубоко исследовано, а каждый факт биографии – и писательской, и личной – давно и подробно освещён. Казалось бы, что нового можно написать о Брехте?

Этой публикацией я представляю Брехта только в одном – камерном поэтическом формате – как одного из создателей «лирики для всеобщего употребления».

Первая тоненькая книжица стихов Брехта 1926 г. называлась «Карманный сборник». Так и тянет назвать и введение к этой публикации «карманным».

Не стоит, однако, впадать в благостный тон. Брехт, даже в своей лирике, – жёсткий, несентиментальный писатель. Он никак не вегетарианец, он охотник, зорко

вглядывающийся в несовершенную картину мира и в недостатки человечества. Он – санитар леса. Он взвалил на себя миссию – ни мало, ни много – по улучшению Земли и воспитанию человечества. Известен афоризм Брехта: «Литература – это акция против несовершенства человека».

Неудивительно поэтому суровое отношение Брехта к обывателю, «маленькому человеку», не имеющему своего мировоззрения, своих взглядов, не желающему вмешиваться в политику. Брехт считал, что обыватель – это общественная угроза, причина и виновник всех социальных катастроф.

Брехт всегда ощущал себя драматургом, поэтом себя в традиционном понимании не чувствовал и как-то застенчиво говорил, что, да, пишу иногда стихи, кроме всего прочего, основного. Да и время своё, первую половину 20 века, он считал не самым подходящим для этой профессии. «Плохие времена для поэзии», – так назвал он своё известное стихотворение.

Даже в «Буковских элегиях», в сугубо мирных, лирических стихах, написанных во время отдыха, поэт не даёт себе расслабиться и одёргивает себя всякий раз, когда ему хочется запечатлеть какую-нибудь идиллическую картину. Прекрасное заметят и опишут без меня, – звучит в его стихах. – Я здесь для другого.

То же касается и формы брехтовских стихов. Ритм и рифма при описании несправедливостей жизни и ужаса бесцельного мещанского существования большинства людей – казались ему фальшивыми и слащавыми: «Когда видишь жизнь так, рифмы в стихах – ненужное щегольство».

Но это характерно скорее для поздних стихов, больше похожих на философские притчи и на мысли старинных

китайских поэтов, которыми Брехт увлекался в конце жизни и даже переводил. Ранние стихи, зонги к пьесам, многочисленные песни борьбы и солидарности были чаще всего рифмованными.

Нельзя не заметить какой-то особой природной музыкальности, присущей практически всем брехтовским стихам. Про многие из них так и хочется сказать: почитаю глазами, но недолго, пока Брехт за гитарой пошёл. А читая рассказ, чувствуешь себя, как в театре, в первом ряду партера – всё действие на сцене, и никто смотреть не мешает.

Эту двойную порцию таланта – и поэта, и драматурга – отметил Лион Фейхтвангер: «Нетерпеливый поэт Брехт написал первые стихи и пьесы третьего тысячелетия». Да, именно так и было: поэт в Брехте сочинял пьесы, драматург – стихи, а рассказы они писали вместе.

Причудливо переплетение талантов, причудлива и судьба таких произведений. Так, марксист, антифашист, антиклерикал Брехт пишет рассказ «Подарок от господ бога», который сейчас в Германии часто читают в церкви на рождественской службе. Многие стихи назидательно-го характера звучат там же, немецкий интернет полон впечатлениями по этому поводу.

Или другой пример. Недалеко от университета, перед которым в 1933 г. сжигали книги Брехта, находится Государственная библиотека с полным набором его произведений. Все книги вернулись на те же места, с которых их выбрасывали.

И ещё одна любопытная деталь. Отвечая на вопрос интервью, какая книга произвела на него наибольшее впечатление, Брехт сказал: «Вы будете смеяться, но это библия».

Русская тема в жизни Брехта многократно описывалась. Это и несколько приездов в Москву; и путешествие через всю страну на Дальний восток для въезда в Америку; и постановка «Трёхгрошовой оперы» Таировым в Москве, а романов «Мать» и «Васса Железнова» в Берлине; и Сталинская премия мира; и брехтовское влияние на возникновение Театра на Таганке.

Но есть ещё и малоизвестные занятные факты.

Так, например, оказалось, что после эмиграции Брехта из Германии в 1933 г. в его оставленной берлинской квартире поселились Лиля Брик с новым мужем-дипломатом. Или вот – серая рабочая блуза, которую Брехт почти всегда носил в Москве, появляясь в ней даже на официальных мероприятиях. Удивительно напоминает жёлтую кофту Маяковского, да и было это вскоре после его смерти.

Ну, или вот, к примеру, – в Америке, в Голливуде, Брехт работал над сценарием о французском Сопротивлении, а его соавтором был литератор Владимир Познер, отец известного у нас медийного персонажа.

Имеют ли такого рода факты влияние на творчество писателя? Ни малейшего. Но почему-то запоминаются. Где и упомянуть о них, как не в «карманном» введении.

Бертольд Брехт

(1898 – 1956):

ВОПРОСЫ ОТ ЧИТАЮЩЕГО РАБОЧЕГО

А кто, собственно, построил прекрасные
Семивратные Фивы?
В книжках названы имена одних фараонов.
Это сами фараоны
таскали огромные, вырубленные в скалах глыбы?

А взять многократно разрушаемый Вавилон?
Кто столько раз восстанавливал его?

А как выглядели дома простых строителей
в этой изумительной, переливающейся золотом Лиме?

Или вот – куда пошли вечером работяги-каменщики,
когда закончили, наконец, знаменитую
китайскую стену?

Великий Рим был переполнен триумфальными арками.
Какие победы праздновали под ними цезари?

А кем только ни воспетая Византия –
она строила только дворцы для своих жителей?

А как было в легендарной Атлантиде?
Громко ли зывали о помощи к своим рабам
патриции, тонущие в морской пучине?

Пишут, что юный Александр завоевал Индию.
Он что – сделал это один?

Или вот Цезарь, победивший галлов.
Ну, хоть повар-то был в его свите?

Филипп Испанский рыдал, когда утонул его флот.
Плакал кто-нибудь ещё за компанию?

Фридрих второй победил в семилетней войне.
Других победителей не было?

Во всех книжках, на каждой странице победа.
А кто и как готовил праздничный ужин?

Каждые десять лет в мире появляется великая личность.
А кто оплачивает её величие?

Сколько всего понаписано.
И сколько остаётся вопросов...

МОЙ БРАТ БЫЛ ЛЁТЧИКОМ

Мой брат был классный лётчик,
он послан был на фронт,
чтоб там звездой горячей
упасть за горизонт.

Мой брат был добрый бюргер.
Раз немцам тесно жить –
отнять чужую землю
и голову сложить.

Земли добыл не много:
два метра лишь в длину
была его могила.
И столько ж – в глубину.

1940

ПЛОХИЕ ВРЕМЕНА ДЛЯ ПОЭЗИИ

Я знаю – любят только счастливых.
Их голоса хотят слушать.
Их лица кажутся красивыми.

Корявое дерево во дворе
выросло просто на истощённой почве,
но прохожие ругают его, называют кривым уродцем.
И, по-своему, правы.

Стоя у моря, я не сразу вижу
эти яркие зелёные лодки с весёлыми парусами.
Сначала я замечаю рыбаков с их дырявыми сетями.
Почему мне хочется писать стихи
о скрюченной ревматизмом сорокалетней крестьянке?
Потому что о тёплой и нежной груди девушки
напишут и без меня.

Когда так видишь жизнь,
рифмы в стихах – ненужное щегольство.

Я разрываюсь
между восхищением цветущей яблоней
и ужасом от разговора с садовником при побелке её
ствола.
Но только второе
гонит меня к письменному столу.

1935

ВСТРЕЧА С МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНОЙ

Рассвет чуть брезжил. Хмуро у порога
простились. Вдруг у ней седую прядь
я разглядел. И боль, как от ожога,
меня пронзив, к ней бросила опять.

Припал к груди. Но сердце ровно билось:
– Уже светло, тебе давно пора.
– Позволь побыть мне снова до утра!
– Я только на вчера освободилась...

Откапали последние минуты,
но взгляд бесстрастен, и уста сомкнуты,
и та же – в волосах – седая прядь.

Шагнуть бы к ней – и слов не надо много,
но губы сжаты, и лицо так строго,
что я остался у дверей стоять.

1953

НЕХОРОШЕЕ УТРО

Вот серебристый тополь – местная
достопримечательность.

Стоит себе скрюченный, как старуха-оборванка.

Вот озеро – грязная лужа, не запачкайтесь!

Вот зачем-то фуксии и львиный зев.

Дешёвка, притворяются цветами.

Да что это со мной?

Сегодня во сне я видел какие-то ужасные руки –
кривые и изломанные работой. И этот жуткий палец –
он указывал на меня, как на прокажённого.

Вы ничего не знаете, у меня тоже тяжёлая работа, –
кричал я.

Но чувствовал себя виноватым.

1953

ЗАМЕНА КОЛЕСА

Я сижу в трамвае.
Водитель меняет колесо.
Мне было плохо там, откуда я приехал.
Мне будет плохо там, куда я еду.
Почему же я смотрю на это несчастное колесо
с таким нетерпением?

1953

ДЫМ

Вот маленький домик под деревьями у озера.

Из трубы вьётся дым.

Без него

бесконечно одинокими и безутешными

были бы и дом, и деревья, и озеро.

1953

ПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ *

После восстания 17 июня
Союз писателей ГДР
раздавал в Берлине, на Сталинской аллее, листовки.
Из них следовало, что немецкий народ
потерял доверие правительства
и только усиленным трудом
может вернуть его.
Не проще ли было, чтобы правительство
распустило этот народ
и выбрало себе новый?

1953

** 17 июня 1953 года было восстание рабочих ГДР из-за повышения на заводах норм выработки.*

В этом разделе я использовала свои подборки переводов и комментариев в журналах «Иностранная литература» № 2 за 2011 г., № 4 за 2018 г., № 4 за 2019 г., «Новый мир» № 6 за 2014 г., № 2 за 2016 г., «Студия» № 13 за 2009 г., в сборнике берлинских литераторов «Четвертая волна», Берлин, 2016 г.

«ИХНИЕ ЗОЩЕНКИ», или ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

*Довоенные литературные кабаре.
«Этот «новый, но не всегда деловой
стиль»*

В конце 20-х – начале 30-х годов поражает удивительное совпадение. В Германии и России между двумя войнами, когда свирепствовали тоталитарные режимы – фашистский и сталинский – повсюду царит необыкновенное веселье. Развиваются лёгкие жанры в кино и литературе, возникают бесчисленные кабаре, танцевальные площадки, клубы, рестораны.

Всем хотелось развлекаться, пользоваться новыми, ещё непривычными благами прогресса, а главное – не замечать арестов, посадок и концлагерей. Развивалось помпезное искусство в стиле «колоссаль», в магазинах появилось много новых товаров, неизвестных до войны и революции. Возникла даже новая, соответствующая этому весёлому времени, мода «бель эпок». Женщины вновь надели шляпки с вуалетками, накрасились и положили чернобурку на плечо. Иногда даже две чернобурки, связанные хвостами, – это когда радость жизни и восхищение режимом захлёстывали с особой силой.

Появление в Германии массы литературных кабаре приходится как раз на это время. Писатели-юмористы, да и просто остроумные литераторы идут нарасхват. Господствующий в это время стиль в поэзии – «лирика

для всеобщего употребления» и её язык – лёгкий, на-смешливый, нарочито-приземлённый. Поэтому поэзию стремились вывести из академических рамок и придать ей новое звучание и современную форму. Стихотворение превращалось в эстрадные куплеты, сатирическую сценку, в номер для литературного кабаре, необычайно популярного в Германии. Именно из-за злободневности и популярности своего репертуара литературные кабаре оказались в 1933 г. закрытыми, т.к. были, по мнению нацистской пропаганды, «рассадниками еврейского культурного большевизма».

До 1933 г. наибольшее распространение литературные кабаре получили в Берлине, Гамбурге и Мюнхене. Самым знаменитым было берлинское кабаре «Шаль унд Раух» («выветрившийся дым», что-то вроде нашего «прошлогоднего снега»), названное так по выражению из «Фауста» Гёте – «Всё дело в чувстве, а название – лишь дым, которым блеск сиянья без надобности затенён» (перевод Б.Пастернака).

Многие литературные тексты использовались на эстраде или даже специально писались для неё. Известность текстов и выступавших артистов (а это часто были профессиональные актёры, а не только сами поэты) была чрезвычайно широкой. Так, например, со всей Европы в Берлин приезжали зрители, желающие услышать тексты Тухольского в исполнении сатирика Карла Валентина или эстрадных певиц Клер Вальдофф и Труде Хестерберг. Эти имена в Германии помнят до сих пор, – во всяком случае, именно на их стиль ориентируются современные исполнители тех старых стихов, например, Макс Раабе.

В настоящее время литературные кабаре в Германии активно возрождаются, и лучшие тексты 20-х гг. не устаревают, а приобретают дополнительный шарм и благородную патину времени. И до сих пор в репертуарах

литературных кабаре присутствуют тексты всех основных создателей «лирики для всеобщего употребления». С большим увлечением для берлинского литературного кабаре «Шаль унд Раух» писал тексты, песни и куплеты Курт Тухольский, хотя сам там никогда не выступал.

Йоахим Рингельнатц всю свою творческую жизнь связал с литературным кабаре. С 1909 г. он регулярно выступает в мюнхенском кабаре «Симпель» («Простофиля»), где получает звание «домашнего поэта». В 20-е гг. читает свои стихи в берлинском «Шаль унд Раух». Вплоть до 1933 г. он, по его выражению, постоянно жил в поездках, гастролируя между всеми городами, где имелись литературные кабаре. Рингельнатц был из тех немногих поэтов, которые только самостоятельно декламировали свои стихи. Часто он сопровождал себя на рояле или гитаре.

Эрих Кестнер часто выступал в литературных кабаре со своими сольными вечерами. Сохранилась грампластинка 20-х гг. с его выступлением. После войны читал стихи в мюнхенских кабаре «Шаубуде» («Балаганчик») и «Кляйне Фраге» («Маленький вопросик»).

Маша Калеко никогда не выступала в литературных кабаре. Она предпочитала литературное «Романское кафе», где была несколько другая атмосфера, но поэты также всегда сами читали свои стихи.

Выступал ли в кабаре Бертольт Брехт, упоминаний об этом я не нашла. Но легко могу в это поверить, зная его готовность читать свои стихи повсюду, где собиралась публика и можно было отобрать у Рингельнатца гитару для аккомпанемента.

Но вообще-то у нас с вами сегодня ретровечеринка. Дома, в Москве, мы, может быть, вспомнили бы хохмы из «Золотого теленка», полистали бы Аверченко или Зощенко, вспомнили бы стихи Олейникова и Хармса, посмотрели бы «Волгу-Волгу», послушали бы Утёсова. Здесь, в

Берлине, пойдут в ход довоенные поэты-кабаретисты с их забавными стишками, песенками и фельетонами, кассета с незабвенной Марикой Рокк, бьющей чечётку не хуже Любви Орловой. От перемены мест слагаемых...

Поэты, представленные в данной подборке, относятся примерно к одному поколению – пик их творческой активности приходится на период между двумя мировыми войнами. Все они – классики немецкой литературы, но в свободную минуту писали и лёгкие, шутливые стихи, песни и рассказы, особенно когда им под руку попадались островки свободы – литературные кафе или кабаре, весьма популярные тогда в Германии, или журналы, ещё не испорченные официозной нацистской пропагандой. Сегодня им под руку попались мы – русскоязычная читательская аудитория.

Мы не будем задавать себе вопросов о природе смешного, о том, почему в похожих людоедских империях возникают похожие развлекательные жанры. Мы не будем задумываться о ментальности русских и немцев и увязывать её как-то с национальными особенностями давления сверху и сопротивления снизу.

Одинаковое, думаю, было давление, да и сопротивление творческой интеллигенции было похожим – слабым и в общем-то безрезультатным. Ну, песенки весёлые в кабаре попели, ну, стишки смешные порассказывали. А людоедский режим крепчал, пока публика веселилась. Последуем сегодня её примеру и просто с удовольствием пообщаемся с талантливыми и остроумными людьми того времени. А если у кого-то возникнут всё же неуместные вопросы, – пусть выйдут на лестничную площадку, – там всё научно объяснят, к вам уже поднимаются литературоведы.

*Стихи, звучавшие
в литературных кабаре:*

КУРТ ТУХОЛЬСКИЙ – *который, как мы уже знаем, не всегда бывал исключительно серьёзным*

СЕМЕЙНЫЙ СКАНДАЛ

- Да!
- Нет!
- Кто виноват?
- Не я!
- К чертям собачьим, отстань от меня!

- Ты тётю Клару опять зовёшь!
- Ты мою маму не признаёшь!
- Ты всюду чёртов изюм кладёшь!
- Ты мне зарплату не отдаёшь!

- Ты не видишь моей правоты!
- Кто виноват?
- Ты!
- Ну, конечно, ты прав, как всегда.
- Нет! Да!

- Кто запретил детям трогать ракетки?
- Кто каждый день пилит их за отметки?
- Кому, чёрт возьми, я рубашки стираю?
- За кем день и ночь я всё убираю?

- Кому не нравится спать на перинке?
- Кто приставал к посторонней блондинке?
- Ты изменился!
- И ты не та!
- Нет!
- Да!
- Подумать только, как белка кручусь!
- Всё кончено! Теперь развожусь!

Остановитесь, больше ни слова!
Ваши проблемы совсем не новы.
Где многих браков слабое место?
Живут слишком долго и слишком вместе.

Человек одинок. Ищет другого.
Синяки набивает, но ищет снова,
сил же хватает на год или два.
Это – супружество у большинства.

Не нужно ни ссор, ни примирений,
и при выяснении отношений
сгоните злую гримасу с лица,
будьте добрее, и так – до конца.

Ну, успокойтесь вы, погодите,
годы связали вас, как ни вертите.
Вдвоём очень трудно. Но одному
труднее справляться со всем самому.

И ТАК ВСЕГДА?

К примеру, вы, герр Ротшильд, ну и фрукт!
У вас есть всё, ну, вплоть до океана:
заводы, деньги, дорогой досуг
и женщины – вкуснее марципана.

И всё ж мне кажется, что ночью, в тишине
бормочите вы на ухо жене:

«Устал от непосильного труда, –
всех денег не истратить никогда!»

Иль вот, к примеру, господин Супруг.
Вы сочетались с записной красоткой,
что там Венера – девушка без рук
с тяжеловесной каменной походкой.

Какая женщина! – навечно и при вас!

Глядеть бы вам, не отрывая глаз...

Но вот жужжит в варенье мошкара:

«Всё з-з-з-завтра будет так ж-ж-ж-же, как вчера!»

О человек! У счастья два лица.
Хотим тех благ, что пролетают мимо.
А всё, что длится в жизни без конца,
уже не столь желанно и ценимо.

Вот курица. Что может быть вкусней?

А если каждое застолье только с ней?

Но это поправимая беда –
ведь курица в меню не навсегда.

1930

КАК ЭТО БЫВАЕТ?

а) Утешение для женатого

Уйду! Осточертело! Не позволю!
Вприпрыжку мысли вырвались на волю.
И представляешь: вот найти бы штучку...
Сказать ей...Та ответит... Взять под ручку...
 Но даже, если и пройдёт всё гладко,
 не так уж это, в сущности, и сладко!

Послушай, иногда и тигр живёт в вольере;
тебе – нельзя. Ты должен о карьере,
о модах, об артистах, режиссёрах,
о ресторанах, празднествах, призёрах
выслушивать её наивный бред –
на радость ей, себе во вред.
 Но даже если и пройдет всё гладко,
 не так уж это, в сущности, и сладко!

Об оргиях мечтаешь с этой дамою?
Дурак ты, парень, будет то же самое.
Всё та же глупость, чепуха, ужимки,
как песенка с заезженной пластинки.
И ты последний пфенниг из кармана
потратишь на прививку Вассермана.
 Но даже если и пройдет всё гладко,
 не так уж это, в сущности, и сладко!

Послушай-ка, фантазию уйми.
Живи, как жил. С женою и детьми.

б) Утешение для холостяка

Жизнь обесцветилась, но внешне всё в порядке.
Всё чаще ходишь ты к соседу по площадке.
Там – две племянницы. Тут свататься, не ныть бы.
Всё чаще думаешь ты о женитьбе.

Не заносись. Уйми ты гонор свой, –
всё та же курица в тарелке суповой.
гусыня та же ночью под периной –
набившая оскомину картина!

Но даже если и пройдёт всё гладко,
не так уж это, в сущности, и сладко!

Жена считает простыни, ворчит,
что муж опять в пивной весь день торчит...
что сахар дорог стал... И снова то же,
на женщину давно уж не похожа...

Тут выход очевидный и простой.
Живи, как жил, счастливчик холостой.

в) Мораль

Живёшь ты один –
нападает сплин,
живёшь вместе с нею –
тоска страшнее.

А я и один, и вместе живал,
путь промежуточный – мой идеал.

ЖЕНА ПОЭТА – ЕГО ПОКЛОННИЦАМ

Мой толстый муж слывёт поэтом?
Да это просто смех один!
Он – донжуан? Не верьте в это,
он обыватель, мещанин.

Он пишет пошлые поэмы,
как он от страсти умирал,
как в нищете, в круту богемы
от вдохновенья воспарял.

И утром писем и фиалок
ему не стоит присылать –
мне выдаст почта ваш подарок,
муж слишком долго любит спать.

С утра до ночи есть он просит,
обрюзг, ленив, всё не по нём.
И только шнапс ему приносит
мгновенно творческий подъём.

В одетом виде и раздетом
вы хороши, – ведь он эстет.
Мой толстый муж слывёт поэтом?
Поэт он в книгах. В жизни – нет.

1919

НОВЫЙ МУЖ

Вы познакомились на вечеринке.
Он шутит, танцует и чудо как мил.
И всюду бывал, читал все новинки,
он очень молод, но не инфантил.
Пробор до затылка, походка упруга...
Но вдруг налетаете вы на супруга.

Невольно приходит сравненье – и что же?
Ваш муж не отходит, толчётся и вот...
Какой же контраст: муж плешивый – о боже! –
и толстая шея, и этот живот!
И вы размечтались, сомненья гоня:
Вот если бы новый был муж у меня!

Опомнитесь, милая дама, о ком вы?
Зачем вам любовная вся суета?
Что прежний супруг, что ваш новый знакомый –
пусть речка другая, водичка – всё та.

Оставьте, сударыня, ваши замашки:
когда он придёт к вам в измятой рубашке,
когда вам наскучат всё те же объятья,
и ласки всё те же, и те же проклятья,
когда не останется прежнего лоска,
шутить он начнёт так же глупо и плоско...

Тогда будет поздно. Кто лучше нас знает,
иллюзий особых никак не питает.

Мы хвост распускаем и ищем невесту,
а в браке – как все, как сосед по подъезду.

Ну что ж, не всегда всё бывает по шёрстке,
но если уж всё-таки кто-то нашёлся,
с кем можно ужиться – то лучше, то хуже, –
останьтесь-ка вы с вашим собственным мужем!

1930

ЙОАХИМ РИНГЕЛЬНАТЦ –
прирождённый кабаретист

МУРАВЬИ

Два муравья в Гамбурге жили,
в отпуск в Австралию сползать решили.
Собрались – и двинулись. Но метрах в трёхстах
вдруг ощутили усталость в ногах.
И мудро тогда отказались они
от остающейся части пути.

Мораль:

Что-то не клеится? Врите уверенно,
что планы свои изменили намеренно!

*(Заметим в скобках, что этим муравьям впоследствии
поставили в Гамбурге памятник)*

МОИ ПОДОШВЫ

Мне были милы и близки,
хоть находились так низко,
подошвы моих штиблет.

Вечно не зная покоя,
они облипали листвою,
окурками сигарет.
Как бедняжки истрёпаны, боже,
места крепкого не отыскать.
Кто подмётки любить не может,
не сумеет и душу понять.

В ожиданье разлуки тоскую,
умеряю привычную прыть, —
или я их несу в мастерскую,
или им уж меня не носить!

ВСЁ!

Я снова молча обхожу
тот дом, где мы встречались.
С тех пор – ума не приложу,
как десять лет промчались.

Ты хороша, стройна, добра,
ты просто лорелейна.
Эх, не сломать бы мне пера,
ведь я не Генрих Гейне.

Но прячу я мечты в карман,
ведь в памяти всё живо, –
как рвётся сердце пополам,
и голос твой фальшивый.

НА ЧУЖБИНЕ

Живя в чужом доме
(что уже не сахар),
я раз чуть не помер
поздно ночью от страха.

Вдруг зашуршало,
вдруг застонало,
и из кладовки
вылезает неловко –
с черной головкой
и пёстрой спинкой –
морская свинка.

Смотрела пугливо,
смотрела пытливо,
сначала смутилась,
потом решилась
и вот стыдливо
ко мне обратилась:
«Скажите, пожалуйста,
я правильно иду к морю?..»

РАЗГОВОР ПОЭТА С ЕГО ПЕРВЫМ
СЛУШАТЕЛЕМ
(сочинение стихов вслух)

Неслись две прекрасные сардинки
к могиле...
Где ж в море погост?
В течение морском, в серединке,
толкало их волнами в хвост.

Где смогут усопшие всё же
свой вечный покой обрести?
Пусть жидкое ложе поможет
до Африки их донести.

Под вечер, в предсмертной печали,
их исповедь стыла во мгле...
Уж лучше б они помолчали,
не хрипли в холодной воде.

Но вот жизнь в сардинках затухла.
и плыть им по воле стихий.
И в то же мгновенье протухли
рыбные эти стихи.

ЭРИХ КЕСТНЕР – *весельчак на все времена*

ЗАДАЧКА ПО ЭКОНОМИКЕ

Всем был понятен их мотив –
дела не шли, хоть плачь.
И вот создали коллектив,
устав от неудач.

Пусть будут вместо всех забот
и деньги, и почёт!
Но всё по-прежнему, не тот,
неверный был расчёт.

С нолями им не повезло.
Хоть поперёк, хоть вдоль, –
ноль умножая на число,
они в итоге, как назло,
имели тот же ноль.

НУ, ПОЧЕМУ?

Ну, почему семь тыщ кило – не тонна?
И почему полпервого – не пять?
И Эрна почему-то не Ивонна?
И почему Луна моргает сонно?
И почему письма мне нет опять?

Зачем профессор знает всё на свете?
Кто носит с фраком лыжные штаны?

Зачем в капусте вырастают дети?
Зачем дома не строятся по смете?
Зачем мои вопросы так сложны?

Кто запретил подделывать банкноты?
Никак я жажды знаний не уйму.
Ну, почему все любят анекдоты?
Ну, почему не носят летом боты?
Хвала ему – пытливому уму,
НО ПОЧЕМУ???

*Этот раздел написан по материалам
моей публикации в журнале
«Иностранная литература» № 2 за 2011 г.*

«СТОЛИК НА ЧЕТВЕРЫХ»

*Поэтические кафе 20-30-х гг.
Где сочинялся весь авангард.
Стихи на бумажных салфетках*

«Девушка в Романском кафе», художник Лессер Ури

Всё время между двумя мировыми войнами, – «немецкую оттепель», – берлинская богема просидела в литературных кафе.

Здесь же, за столиками, между сахарницей и кофейником, писались стихи, придумывались театральные постановки, делались наброски к картинам. Из таких кафе наибольшей популярностью пользовались «Большое безумство», «Уютный уголок у Шванна», «У мамыши Менц», «Ресто-

рация Шлихтера», в которой бывали и люди из театра и где задумывалась «Трёхгрошовая опера».

Но наиболее посещаемой точкой этого «литературного общепита» было, конечно же, «Романское кафе» на парадной берлинской улице Курфюрстендамм, стоявшее тогда на месте современного Европа-центра. Здесь мирно уживались представители самых разных литературных направлений. Прозаики Цвейг и Ремарк активно общались с поэтами-декадентами. Поэтесса Эльзе Ласкер с удовольствием кокетничала и с экспрессионистом Бенном, и с импрессионистом Демелем и, невзирая на различие их эстетических платформ, крутила, как тогда говорили, «роман века» с обоими.

И вот снова странное совпадение. Такие литературные кафе казались одинокими островками свободы для интеллектуальной элиты и в Германии, и в России. И никто поначалу не задумывался, почему вдруг в берлинских поэтических кафе появлялись московские литераторы, а в московских кафе – при разных там «совписах и домжурках» – немецкие. Сначала приезжали в командировку, а потом – как получится: лечились, женились, старались задержаться.

Началась скрытая эмиграция: от революции и Сталина – в Германию, а от Гитлера – в СССР. Издалека было не сразу видно, что режимы эти близнецы-братья. А сегодня эмиграция от Путина в Германию набирает совсем уж полные обороты. Все лучшие русские прозаики уже тут, в Берлине. И поэты тоже готовятся. Но им, конечно, печататься и переводиться будет сложнее.

Правда, странно: сначала и немцы, и русские выращивали у себя эти похожие чудовищные режимы, а потом бежали прятаться друг у друга. Какая-то жестокая гримаса истории.

Вернёмся в «Романское кафе» – в разгар сезона, ещё не закрытое властями, оно притягивало писателей и поэтов. Многие из них — теперь уже хрестоматийные – тогда ещё очень молоды, переполнены своим талантом и интересом друг к другу. Они хотят немедленно прочитать и обсудить только что написанное, услышать мнение присутствующих, своих друзей.

За наш виртуальный «столик на четверых» я предлагаю посадить постоянных гостей «Романского кафе» – Машу Калеко, Курта Тухольского, Йоахима Рингельнатца и – ну, кого бы ещё? По совести, надо бы посадить Эриха Кестнера, – и дружил он с остальными тремя, и «новый деловой стиль» в литературе по мере сил устанавливал. Но вот не хочется. Уж очень он сладкий всегда. Уж очень с Геббельсом выгодно общался. Придёт – пусть сам себе пятый стул приносит.

А я позову четвёртым – да вот хоть Бертольта Брехта. Не исключено, кстати, что они и в реальности оказывались именно в такой компании.

Трудно представить себе более разных поэтов, чем, например, Калеко и Брехт. Но ведь все общались, перешучивались, знали стихи друг друга, подходили к соседним столикам, присаживались на минутку и вскоре убегали – читать что-то в другой компании.

И никто из нашей четвёрки ещё не догадывался тогда, что все они станут классиками немецкой литературы, признанными создателями целого нового направления в поэзии.

Давайте прекратим скрипеть стульями и стучать тарелками, прислушаемся к стихам, раздающимся с соседнего столика на четверых.

Вот стихи из «Романского кафе»:

Маша Калеко

«СТИХИ,
НАЦАРАПАННЫЕ НА СТОЛИКЕ
«РОМАНСКОГО КАФЕ»

Я не люблю чего-то долго ждать,
ведь ожиданье мучительно и тяжело, —
сидеть сто лет над недопитой чашкой
и кельнеру без дела досаждать.

Пусть ждут меня, ведь было так когда-то.
Но вот любовь уходит, не спрося.
Что тут сказать? Молчим лишь виновато
о том, что словом выразить нельзя.

Полпервого. Гостей уж не осталось,
давно все дома или же в пути.
Огромный город. Пустота. Усталость.
Жить незачем и не к кому идти.

А вот и опаздывающий Рингельнатц ворвался – только что с поезда, голодный. В кафе еды не бывает настоящей. Кельнер притащил из соседней забегаловки. Любимцу публики не откажешь. Вот Рингельнатц тарелку отодвигает и тут же что-то пишет:

Йоахим Рингельнатц

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО О КАРТОШКЕ

Вот минута прощанья настала.
Ты измучилась ждать и устала, –
в воде разварена,
лежишь в испарине.

Вот речь произнесена
и вилка занесена.
Достойно умри,
на меня не смотри
с мольбою и болью, –
вот посыплю солью,
морской, не мелкой,
раздавлю на тарелке!

И приходит последняя мука—
мне селёдку приносят с луком.
Солнцем в окошке
желтеет картошка
на луке белом,
дрожит юным телом.
Эй, подлейте мне пива немножко,
вечная память картошке!

Рядом Тухольский выполняет срочное журналистское задание – строчит быстро своим «вечным пером» и сам смеётся, сдержаться не может. Сейчас весь стол будет со смеху покатываться, да ещё и с соседних набегут:

Курт Тухольский

ВАЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Пиши, старайся, журналюга,
гляди, не лопни от натуги.

Пиши, пиши –
хоть о бессмертии души,
о страсти карпа и макрели,
что все актрисы постарели,
что новый вводится налог,
что вышел модный каталог
для холостых и деревенщин,
как отличить мужчин от женщин...

Пиши, –
грызи в ночной тиши
то ногти, то карандаши.
Но:
эти темы очень пресны
и никому не интересны.

Для большинства – все интересы
в статьях бульварной жёлтой прессы.
О звёздах больше, – кто женился,
кто сбрил усы, а кто завился,

кто растолстел, кто сбавил вес –
всё представляет интерес.

Вот обнаружен местный житель,
как Джек, – тот самый – Потрошитель,
а также Женщина-змея –
щедра немецкая земля!

Читают графы и служанки,
как интересно грабить банки.
Ломают перья коллектив –
читатель хочет эксклюзив.

И если не совсем дурак ты, –
добудь им жареные факты.

А с Брехтом тут, за столиком, беда. Остапа, как говорится, понесло. Хорошо, Тухольский под столом ботинком толкнул – с нами дама! Так частушки его и остались не законченными:

Бертольт Брехт

УРОК ЛЮБВИ

Слово дал и не нарушу:
чтоб любить до гроба вплоть
плотоядно – только душу
и душевно – только плоть.

Нет такой, чтоб обаяла,
чтоб я с ней одною был,
чтоб невинность – соблазняла,
а соблазн – невинным был.

Всё, девчонки, расслабуха!
Песнь я с вами не спою –
ни намёком, ни вполслуха –
лебединую мою.

Народ постепенно заполняет «Романское кафе».

Вот Эльзе Ласкер завезла с утра домашнее имущество —навсегда, что ли, переехала? – и сидит, облокотившись на свой голубой рояль, бросила под ноги старый тибетский коврик. Рядом Рильке с полотенцем – вытирает брызги своих романтических фонтанов.

И почему-то меня совсем не удивляет присутствие за дальним столиком Вальтера фон дер Фогельвайде, наигрывающего на лютне, и монахини фон Бинген с корзинкой лечебных трав. Она растирает какие-то листики в кофейной чашке, чтобы проглотить этот ужасный незнакомый напиток. К ним уже подходит Безымянный рыцарь из Кюренберга, снимает шлем, мы сейчас узнаем, наконец, его имя.

Толпятся поэты в дверях, двигают себе столы, скребят стульями по паркету.

А за окнами видно – издалека подлетают новые столики с посетителями.

Столики-ковчеги со спасающимися поэтами. Вот, кажется, Маяковский с Лилей, вот Пастернак с Анной Андреевной. Успели! Хоть ненадолго! Теперь не надо стреляться и умирать от инфарктов.

Всем найдём место. Подлетайте, ребята, велком!

Берлин, 2024

В этом разделе я использовала свой материал из альманаха берлинских литераторов «Четвёртая волна», Берлин, 2016.

ФОТО ХАРРИ НАУЙОКС, 2022

Марина Науйокс – москвичка, с 2005 года живет в Берлине. По первой профессии – экономист, кандидат наук. По второй – переводчик немецкой поэзии. Имеет многочисленные публикации в московских журналах «Новый мир» и «Иностранная литература», а также в берлинском журнале «Студия».

Не случайно книжка называется "Сто стихов о любви." И имеются тут в виду не столько чувства авторов к кому-либо, сколько мои – к авторам.

Это сто стихов о моей любви к этим поэтам и их творчеству.

И основные мои любимцы, как это, надеюсь, будет явствовать из этой книжки, –

поэты-авангардисты

Вурт Тухольский и Маша Калеко.